

КЭТИ ХАН

ЗАДЕРЖИ ЗВЕЗДЫ

КЛУБ
СІМЕЙНОГО
ДОЗВІЛЛЯ

Annotation

Идеальный мир, построенный на руинах цивилизации, сделал лишними нации, страны, религии — все, что могло привязать людей друг к другу. В этом стерильном, стремительном, практичном мире не было места любви... Пока простой повар Макс не встретил пилота Кэрис. Но испытывать их чувства будет безжалостный открытый космос... Это будет любовь, уплывающая, как Земля под ногами: с северным сиянием над полюсом, с облаками, собирающимися над Африкой... Он и она будут бороться 90 минут: за каждый шанс на спасение, за каждый глоток воздуха, за жизни друг друга и за свою любовь — слишком яркую и стремительную, чтобы погаснуть...

Кэти Хан

Задержи звезды

© Katie Wood, 2017

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

© ООО «Книжный клуб „Клуб семейного досуга“», г. Белгород, 2017

* * *

Часть первая

Глава первая

— Это конец.

Они поворачиваются, пошатываясь и стараясь сфокусироваться друг на друге: Кэрис тяжело дышит, удушливая паника наполняет ее круглый шлем, похожий на аквариум.

— Черт, — произносит она. — Я умру. — Она протягивает руки к Макс, но это движение относит его прочь, и Кэрис не может до него дотянуться.

— Мы не погибнем.

— Мы погибнем. — Ее голос прерывается мелкими вздохами и громко раздается за стеклом шлема Макса. — О господи!

— Не говори так, — протестует он.

— Мы погибнем. О боже мой!

Они падают в открытый космос, все дальше удаляясь по спирали от своего корабля, два похожих на мазки пуантилиста [\[1\]](#) пятнышка на бесконечно темном полотне.

— С нами все будет в порядке.

Макс озирается по сторонам, но для них тут ничего нет: ничего, кроме бездонной черной вселенной слева и Земли в ореоле великолепного техноцвета справа. Он вытягивается, чтобы схватить Кэрис за ногу. Кончики его пальцев задевают ее ботинок, а затем Макса закручивает в сторону и он не в силах остановиться.

— Как ты можешь быть таким спокойным? — спрашивает она. — Черт побери!

— Кэрис, прекрати. Давай, возьми себя в руки.

Ее нога проносится перед его лицом, которое опускается в сторону ее колен.

— Что нам делать?

Макс, насколько возможно, подтягивает ноги к телу, пытаясь превозмочь панику, просчитать, в состоянии ли он воспрепятствовать этому вращению. Точка опоры? Ось? Он не знает.

— Я не знаю, — говорит Макс, — но тебе нужно успокоиться, чтобы мы могли разобраться с этим.

— О боже! — Она молотит руками и ногами в тщетных попытках воспрепятствовать их движению по траектории от корабля, но это не дает результата. — Какого черта мы собираемся делать?

Из-за того, что ее сильнее задело ударной волной, она, кружась, отдаляется от корабля быстрее, чем он.

— Нас все дальше уносит в стороны, Кэри, и скоро мы будем слишком далеко, чтобы вернуться друг к другу.

— У нас разные траектории, — говорит она.

— Да. — Он на секунду замолкает, чтобы подумать. — Нам нужно возвратиться друг к другу, — замечает он. — Сейчас.

— Хорошо.

— На счет «три» махни руками в моем направлении, словно ты ныряешь в бассейн. — Он показывает, как это сделать. — Наклони торс как можно сильнее. Я попробую продвинуться в твою сторону, поэтому будь готова схватить меня. Договорились? На счет

«три».

Их передатчики звука трещат.

— Один. Два...

— Подожди! — Кэрис поднимает руку. — Разве мы не можем использовать силу удара, чтобы изменить наш курс обратно в направлении «Лаерта»?

«Лаерт», с его матово-черными бортами и без видимых огней на корпусе, покинутый, висит над ними, корабль, парящий в ночи.

— Как?

— Если один из нас достаточно сильно толкнет другого, — говорит она, — поможет ли это направить нас обратно?

Макс обдумывает ее вопрос. Возможно. *Возможно?*

— Нет, давай сначала привяжемся страховочным фалом^[2] друг к другу. Пока еще не поздно — я не хочу потерять тебя здесь. Готова?

— Да.

— *Сейчас.*

Кэрис выпрямляет тело вперед, а Макс тянется назад. Ее руки летят к его ногам, пока он вытягивает их. На секунду он и она замирают, напоминая кавычки, а затем благодаря амплитуде их притягивает параллельно друг другу. Когда они уже на одном уровне, она хватается его ноги за ступни.

— Попался.

Падая валетом, с помощью рук они поворачиваются по часовой стрелке, медленно двигаясь по оси, пока наконец не оказываются друг к другу лицом.

— Привет. — Она обвивает руками его шею.

Он достает из кармана на бедре страховочный фал и аккуратно обвязывает плавающей в невесомости веревкой себя и Кэри, соединяясь с ней.

Макс переводит дыхание.

— Нам необходим план. — Он смотрит назад на «Лаерт», скрытый в тени пространства, пока они с каждой секундой все дальше отдаются от него. — Нужно позвать на помощь.

Кэрис уже, подтянувшись, забралась к Макс за спину и сейчас роется в заднем кармане его серебристого скафандра.

— Кто нам поможет? Мы не видели ни единой души на протяжении...

— Я знаю.

— У нас есть фонарики, — перечисляет она, — веревка, вода... Почему мы не взяли топливо? Мы такие глупцы.

— Нужно попробовать...

— Нам не следовало так спешить. Ты должен был позволить мне вернуться и взять азот...

— Это была *аварийная ситуация*. Что мне, по-твоему, следовало делать? Наблюдать за тем, как твоя голова сжимается, пока ты задыхаешься и умираешь?

Она, качнувшись, возвращается обратно, и они снова оказываются лицом к лицу, Кэрис укоризненно смотрит на него.

— Все происходит совсем не так, и ты об этом знаешь. Специалисты ЕКАВ сказали, что сжатие головы — миф родом из двадцать первого века, распространенный благодаря плохим фильмам.

— В ЕКАВ много всего говорили. Они сказали, что мы в полной безопасности и все пройдет как надо. — Макс стучит по голубому значку Европейского Космического Агентства Воеводства на своем рукаве. — Они также заставили нас подписать документ об отказе от оценки рисков, если помнишь.

— Не могу поверить, что это происходит. — Она оглядывается. — Не попробовать ли нам связаться с Озриком?

— Да, конечно. Да! — Он резко обнимает ее.

Кэрис, протягивая флекс^[3] вокруг костяшек, начинает двигать пальцами, печатая, узкие полосы сетчатых элементов измеряют ее мышечные рефлексy и движения пальцев по незримой клавиатуре.

— *Озрик, ты видишь мои сообщения?*

Она ждет.

— *Озрик, ты там?*

— Я здесь, Кэрис.

В ее аудиопередатчике слышен звук доставленного сообщения, и с левой стороны стекла шлема появляются слова голубого цвета.

— Слава богу. Макс, я связалась с Озриком. *Ты можешь запросить помощь?*

— Конечно, Кэрис. С кем бы вы хотели связаться?

— *С базой? ЕКАВ? С кем угодно.*

— Узнай, не находятся ли какие-нибудь корабли поблизости, — говорит Макс, — на всякий случай.

— *Есть ли кто-нибудь в диапазоне, чтобы спасти нас?*

— Нет, Кэрис. Сожалею.

— *Ты уверен?*

— Да, Кэрис. Сожалею.

— *Ты можешь связаться с Землей?*

— Нет, Кэрис. Сожалею.

Она кричит в отчаянии, звук искажается в ее шлеме и в их аудио:

— *Почему нет?!*

— Мой рецептор был поврежден в результате аварии. Я полагаю, Макс пытался его починить, когда у нас закончился кислород, Кэрис.

— *Черт побери.*

— Прошу прощения, Кэрис?

— *Извини, Озрик. Опечатка.*

— Ничего страшного, Кэрис.

— *У нас серьезная проблема, Озрик. Ты можешь помочь?*

— Как бы вы хотели, чтобы я помог, Кэрис? Она вздыхает.

— Макс, я хожу по кругу, разговаривая с этим. Он гладит ее по рукаву скафандра.

— У меня не было времени подсоединить мой флекс, Кэри, поэтому пока что тебе придется продолжить. Узнай все, что сможешь. Нет ли каких-нибудь кораблей в этом районе?

Она отрицательно качает головой.

— *Озрик, — шевелит она пальцами, — ты можешь направить «Лаерт» к нам?*

— Отрицательный ответ, Кэрис. Системы навигации не отвечают.

— Ты можешь переместить его?

— Отрицательный ответ. Системы навигации не отвечают.

— Повернуть его?

— Отрицательный ответ. Системы навигации не отвечают, включая систему управления, с помощью которой я мог бы повернуть «Лаерт».

Она запустила бы руки в волосы, если бы могла, но они в плену ее перчаток, а рыжеватая коса заключена в стекле похожего на аквариум шлема. Маленькая ромашка, которую Кэрис заткнула за ухо, теперь немного не к месту.

— *Ты можешь помочь нам просчитать, как вернуться обратно на корабль?*

— Кэрис? Если позволите, я предполагаю, что есть более срочные вопросы...

— *Вычисли, как нам вернуться обратно на корабль, Озрик.*

— Ситуационный анализ показывает мне, что траектория, по которой вы движетесь, не предполагает пути назад к «Лаерту» без использования реактивных азотных двигателей, Кэрис. У вас есть реактивные азотные двигатели, Кэрис?

— *Ты не мог бы не вставлять мое имя в конце каждого предложения, Озрик?*

— Конечно.

— *Спасибо. Нет, у нас нет ракетного топлива. Какой-то другой способ?*

— Пожалуйста, подождите, пока я с помощью ситуационного анализа вычислю варианты, Кэрис.

— *Поторопись.* Озрик говорит, что мы не сможем вернуться на корабль без двигателей.

Макс корчит гримасу.

— Точно нет?

— Кэрис? Есть кое-что более серьезное...

— *Подожди.* Что еще мы можем попробовать? Озрик говорит, системы навигации отключены. Может, мне спросить, есть ли...

— Кэрис?

— *Что, Озрик?*

— Ситуационный анализ показывает, что ваши баллоны с воздухом неполные.

— *Мы находимся вне корабля уже достаточно долго.*

— Количество оставшегося воздуха, а также использованный кислород не совпадают с общей емкостью.

— *Что ты имеешь в виду? Говори по-европейски, Озрик. Пожалуйста.*

— Ваши баллоны с воздухом были не полностью заполнены.

— *Что?*

— Кроме того, ситуационный анализ показывает, что в них есть утечка.

— Что? — От удивления она забывает, что Озрик не может слышать, и тут же быстро печатает: — *Что?*

— У вас обоих повреждены баллоны с кислородом, Кэрис.

— *Сколько воздуха у нас осталось?*

— Кэри? — произносит Макс.

— Вычисляю...

— *Поторопись, Озрик.*

— Боюсь, у вас осталось воздуха только на девяносто минут, Кэрис.

— Кэри. Что случилось? — Макс сжимает ее плечи, но ее это не успокаивает. — Что сказал Озрик?

— Извините, что назвал вас «Кэрис», Кэрис.

— Девяносто минут, — произносит она, глубоко и тяжело вдыхая. — У нас хватит воздуха лишь на девяносто минут.

Он ошеломленно отшатывается назад.

— Не может быть. Этого не может быть. У нас как минимум четыре или пять часов. Мы...

— Мы умрем, Макс. И очень скоро. — Она сдерживает слезы, пока он судорожно подыскивает правильные слова.

— Нам нужно немедленно вернуться на корабль, — наконец говорит Макс. — Но первым делом ты должна прекратить панику. Так ты быстрее расходуешь воздух.

— Наш воздух вытекает. Он подскакивает:

— В самом деле? Сейчас?

— Прямо сейчас. Озрик говорит, в баллонах утечка.

— В обоих? — спрашивает он.

— В обоих.

— Черт. — На этот раз ругается уже Макс. — Нам лучше немедленно это исправить. — Он смотрит на Кэрис, оценивая степень ее паники. — Давай я попробую найти место утечки, покаты удержишь дыхание, хорошо?

— Нет, все в порядке, — отвечает она, в то время как сердце гремит у нее в груди. — Я сама это сделаю. — Кэрис ослабляет фал, связывающий их между собой, и они отплывают друг от друга, почти как в балете. — Прими положение, будто пытаешься сделать ангела на снегу, — говорит она, держа его за запястье и ногу. Единственный слой ткани, покрывающий его кожу, формирует герметичную, устойчивую поверхность, защищающую его от космического вакуума, словно гидрокостюм, скрещенный с броней, но совершенно податливый для человеческого движения, мягкий на ощупь. — Не отпускай мою руку.

Макс вытягивает руки и ноги, паря на уровне ее талии. Все еще держа его за руку, Кэрис наклоняется так, чтобы видеть его скафандр. Это совсем не легко сделать, ведь они не стоят на месте — непрерывно двигаясь, падают в темноту, в нечто, напоминающее чертову прорву за пределами Земли.

Она пробегает рукой и глазами по его металлически-серебряному скафандру. Каждая секция отделена гладкими, словно отлитыми выточками, голубые надписи сбоку — единственная полоска цвета. Кэрис ищет по всему периметру, пока не замечает повреждение на самом дне: небольшое облачко из вытекающих молекул воздуха, практически незаметное для глаза, если бы она не искала его так отчаянно и если бы молекулы не плыли к своей новообретенной свободе от гравитации.

— Нашла. — Она вытаскивает ленту из кармана на колене, всегда доступный набор заплаток, и разглаживает ее на канистре, проверяя, чтобы воздух не просачивался по краям.

— Готово? — спрашивает Макс.

— Озрик, — двигает пальцами Кэрис, — это исправит утечку!

Голубой текст появляется на стекле ее шлема, сопровождаясь отчасти успокаивающим

звучком оповещения.

— Подтверждаю, Кэрис.

— Готово. — Она кивает Макс, тяжело выдыхая.

— Тогда нам лучше заняться и твоим. Кэрис колеблется.

— Этого не должно было произойти — нам даже не следовало быть здесь.

— Давай, Кэри.

— У нас осталось только девяносто минут воздуха.

Наконец с его уст срывается всхлип, короткая вспышка, заглушающая уравновешенные слова, ореол его вынужденного спокойствия. Макс отстраняется от противостояния, стресса, от ее трудно сдерживаемых эмоций — вот что он делает. А через минуту шутит:

— Что ж, не знаю, как ты, но я оставлю на Майндшер^[4] очень плохой отзыв о космических путешествиях.

— Заткнись, Макс, — говорит она, хотя его предсказуемость немного успокаивает ее. — Сейчас не время для твоего ужасного чувства юмора.

— Знаю.

Он всегда был готов шутить в наиболее экстремальные моменты: во время курса подготовки астронавтов; на похоронах; когда они в первый раз встретились.

— Что нам делать?

— Мы успокоимся, перегруппируемся, а затем я собираюсь тебя спасти, — улыбается Макс. — Чем постоянно и занимаюсь.

* * *

Они встретились три месяца назад на Ротации, когда Кэрис в качестве очередного жителя нового европейского города набирала себе больше языков в языковой лаборатории региона.

— Мой коллега переехал сюда с Воеводы 11, — вынуждена была сказать инструктору Кэрис, — поэтому мне нужно выучить современный греческий.

Языковую лабораторию Воеводы стилизовали под ретро-сеть кофеен с направленным вниз светом, диванами из искусственной кожи и запахом тысяч бобов низкокачественной арабики, пережаренных в сковороде. Веселенький плакат за прилавком заявлял: «Выучив пять языков, ты сможешь говорить с семидесяти восьмью процентами населения Земли».

Инструктор издал звуковой сигнал, сопровождавшийся зеленым светом, затем на рабочем месте Кэрис начали быстро проектироваться руководства и курсы.

— Спасибо.

Она надела флекс на руку и занялась неблагодарным делом, снова и снова копируя греческий алфавит. На половине третьего захотела вспомнила об ужине. Водопад информации, обновляющейся в реальном времени, перемещался по трем стенам — Стенные реки^[5] показывали постоянный, прокручивающийся вниз поток новостей, погоды и обновлений. Кэрис быстро задвигала пальцами, напечатав короткий запрос на Майндшер, местную социальную сеть.

«Кто-нибудь знает, где на Воеводе 6 можно купить гусиный жир?»

Слова появились на идеальном испанском, они успели промигать на стене несколько секунд, перед тем как потерялись в потоке комментариев, вопросов и анекдотов на

нескольких языках, используемых во всей системе Воевод. Она дошла до омеги и вернулась обратно к греческому алфавиту.

Бип. Кэрис подняла глаза. Кто-то ответил.

«Зачем тебе гусиный жир в наше-то время?» — было написано по-французски.

Чувствуя себя бунтаркой, она напечатала ответ на каталонском: *«Чтобы готовить»*.

Бип. Румынский: *«Почему ты готовишь в наше время?»*

«Жареную картошку». — Португальский.

«Яспросил, почему ты готовишь?» — Немецкий.

Поскольку она была не очень сильна в немецком, Кэрис переключилась на итальянский, уголки ее рта начали подниматься от легкой улыбки. *«Новые соседи. Я хотела бы угостить их хрустящим жареным картофелем. Есть идеи?»*

Опять итальянский: *«Касательно твоих новых соседей? Нет. Извини»*.

В их лингвистическом состязании повторение этого языка было маленькой победой, и на сей раз она открыто улыбнулась. *«Может, ты один из моих соседей. И, вероятно, позже я угощу тебя жареным картофелем, таким резиновым, что его можно будет жевать, как попрыгунчик. Тогда ты пожалеешь, что не помог мне найти гусиный жир!»*

Бип. *«Я не доверяю незнакомцам готовить себе еду»*.

«Наверняка незнакомцы готовят тебе в ресторанах Ротации», — напечатала она.

«На самом деле нет. Я шеф-повар, так что это легко».

Кэрис помедлила.

«Ты работаешь в ресторане Ротации!»

«Да».

«Отлично. Не можешь ли мне помочь советом в сфере кулинарии? Ты, случайно, не знаешь, где я могу найти гусиный жир в округе?»

Нет ответа.

«Пожалуйста!» — Она добавила смайлик, чтобы смягчить тон.

Бип. *«Попробуй поискать в классическом супермаркете вблизи от Пассео»*.

«Спасибо».

«Они даже продают еду в жестяных банках, если можешь в это поверить, в наше-то время».

«Ты одержим фразой „в наше время“, — ответила Кэрис. — Это уже в третий раз».

«А кто не одержим? Столько всего изменилось».

«И правда. Спасибо за помощь, я позже схожу в супермаркет».

Она закончила шесть повторений греческого алфавита и сняла сетку из проводков с запястья, держа в голове фразу «жареная картошка» на семи языках.

Кэрис вышла в красивый сентябрьский вечер, щекочущий ветерок пробегал по руинам. Гладкие стекла и стальные конструкции прорывались через кирпичи и фундаменты давно исчезнувших зданий, их призрачные панцири сохранили и структурно поддерживали новейшие интерьеры. Местами выпирали остатки узких переулков и высоких оштукатуренных стен, поддерживаемые стальными балками. Внутри, в руинах, были комнаты, сделанные из огромных листов стекла: мерцающая современность, словно спрятанная в матрешке недр древних, покрытых трещинами сооружений.

Свет постепенно исчезал, превращаясь в оранжевую дымку, пока она шла вдоль заполненных кафе площадей, прижимая голые предплечья к груди. Ее чип вдруг начал

тормозить, и Кэрис остановилась на углу.

«Не унывай, милая, этого никогда не произойдет», — раздался звонок, и она с раздражением повернула запястье.

— Если метеоры начнут уничтожать человечество, я знаю, кого бы хотела уничтожить первым, — пробормотала Кэрис, стоило чипу наконец-то обновиться и показать, куда ей идти дальше.

Выйдя на широкую мощеную улицу с посаженными по сторонам деревьями, Кэрис свернула к ряду магазинов, их фасады провисли от возраста и были подперты стальными балками. Небольшой вход украшала занавеска из разноцветных бусин, а над окном светилась вывеска «*Супермаркеты Фокс*». Снаружи находилась стойка с газетами, заголовок мигал: «Радиоактивные осадки в США наконец на безопасном уровне».

Старомодные проволочные корзины и тележки для покупок выстроились в ряд с каждой стороны от входа. Она отодвинула занавеску из бусин, ритмично затрещавшую, и направилась в супермаркет.

В восьмом проходе парень, стоя на коленях, укладывал консервы.

— Извините, что беспокою, — обратилась она к нему, — но не могли бы вы показать, где можно найти гусиный жир, если он у вас есть.

Молодой человек повернулся. Темные, слегка вьющиеся волосы спадали над голубыми глазами, в которых уже играли искорки веселья, будто она отпустила шутку.

— Ты, наверное, Кэрис. — Он закончил складывать консервы на маленькую полку и, поднявшись, протянул девушке одну банку. — Мы общались чуть ранее. Привет.

Она, сбитая с толку, вытянула руку и взяла банку.

— Ты... подожди. Что?

— На Майндшер.

— Но ты не говорил... Разве ты не шеф-повар? В ресторане Ротации?

— Нет. Да. Почти. — Он покраснел. — По крайней мере, я буду. Я прошел полное обучение на последней Ротации, так что, полагаю, местные рестораны возьмут меня. Как только кто-то поможет мне с семейным бизнесом, — он обвел жестом торговый зал, — я уйду отсюда, надеюсь.

— Правильно, — сказала она, крутя банку с гусиным жиром в руке. — Мне кажется, ты кого-то найдешь.

— Спасибо, — ответил он. — А чем ты занимаешься? Она помедлила.

— Я летаю.

— Аэростаты?

— Шаттлы.

Он явно был впечатлен, что отразилось на его лице.

— Круто.

Кэрис немного отступила назад.

— Мне очень жаль уходить, но у меня осталось мало времени на то, чтобы приготовить ужин. Спасибо за помощь и... была рада знакомству.

— Без проблем. Кстати, я Макс.

— Кэрис. — Она неуклюже протянула руку, и он пожал ее. — Как ты нашел мой вопрос? — спросила девушка.

— Вопросы с ключевыми словами о еде направляются сюда, на Майндшер. Они помечены, чтобы на них отвечали магазины и рестораны.

— В этом есть смысл. — Она кивнула и, повернувшись, направилась прочь. — Спасибо.

— И, — сказал он ей в спину, — у тебя очень милая фотография профиля, так что это помогло.

Кэрис посмотрела через плечо.

— Управляющий магазином, шеф-повар и онлайн-преследователь? Ты, наверное, очень загружен, — сказала она непринужденным тоном.

— Три работы на полную ставку, — ответил он. — К тому же ты ответила, когда я написал по-французски, — на этом языке со мной общались во время моей последней Ротации.

Подняв бровь, она повернулась к нему лицом:

— В самом деле? Я подумала, в нашем разговоре ты использовал чип для перевода. — Кэрис указала на его запястье.

— Нет.

— Как и я, — промолвила она, и они оба улыбнулись. — Я тоже жила на В8. Две Ротации назад. Внизу, на юге, возле моря.

— Я провел три года в Париже. Именно там и научился готовить — делаю неплохие суфле.

Немного погодя она сказала:

— Слушай, я пригласила нескольких моих новых соседей на ужин сегодня вечером. Просто кучка людей, с которыми можно подружиться. Ничего особенного, Адам ни с кем из них меня не познакомил. Не хочешь присоединиться?

— Я бы с удовольствием. А кто такой Адам?

— Это обычное выражение. Но по твоей улыбке я вижу, что оно тебе известно и ты просто дразнишь меня. Наряду с легким преследованием я добавлю в список еще и поддразнивание. Так что, сегодня в восемь вечера? Я сброшу тебе адрес. Возьми что-нибудь с собой. Что угодно. — Она повторила шаблонный кивок-поворот-шаг. — Ладно, увидимся.

Пламя свечей отражалось от шести хрустальных винных фужеров и стаканов с водой — вечеринка была в полном разгаре. Две стены в гостиной Кэрис занимали Стенные реки: большие встроенные экраны, один из которых показывал ленту новостей, а другой — чат на Майндшпер; она сделала текст на обеих стенах тепло-оранжевого цвета. Бывший фасад здания отбрасывал тени от балконных балок в комнату, шум моря пытался проникнуть сквозь древние ставни. На сервировочных блюдах — шведский стол из жареного цыпленка, овощей, йоркширских пудингов и заранее разрекламированного Кэрис жареного картофеля.

— Йоркширский пудинг с цыпленком? — спросила Лилиана, одна из новых коллег Кэрис. — Не чересчур ли это...

— Нетрадиционно, — добавил Джон, инженер-строитель и ее новый сосед напротив, потянувшись к сервировочной ложке. — Там, откуда я родом, мы едим то, что нравится, и не обращаем внимания на общепринятые нормы.

— Откуда ты, Джон? — спросила Кэрис, бросив на него быстрый благодарный взгляд.

Джон поерзал на своем месте.

— Ну, как и все мы, я не знаю наверняка. Но мои первые воспоминания связаны с Воеводой 3. Мне тогда было пять лет. Моя бабушка предлагала мне рыбу и чипсы, но я хотел лишь пудинга. Я был привередливым, никогда не доедал то, что мне давали. Шеф-повар в ресторане Ротации совместил оба этих блюда и подал мне поджаренный во фритюре

шоколадный батончик с чипсами. — Все за столом рассмеялись. — Это смешно, знаю. Но я был тогда мал, и он добился цели — моя тарелка блестела. Бабушка вознаградила меня за то, что я все съел, и оставшуюся часть месяца я все доедал исправно.

— За это стоит выпить. — Лилиана подняла свой бокал, и остальные за столом последовали ее примеру. — За то, чтобы твоя тарелка снова блестела.

Джон сиял, пока приятели чокались бокалами.

— А как насчет тебя, Лильяна, откуда ты сюда приехала?

— Мое имя произносится «Лил-и-ана», — поправила она. — Я знаю, на Майндшер оно пишется иначе.

— Прощу прощения, Лилиана. — В этот раз он назвал ее правильно. — У тебя красивое имя.

— Родители жили на Ротации возле Адриатического моря, когда я появилась, поэтому называли так, хотя мое наследие чисто африканское. В последний раз я обитала на Воеводе 1.

— Наследие, — задумчиво произнес Оливье, которого Кэрис встретила в языковой лаборатории и тоже пригласила из вежливости. — Мы, третье поколение европейцев, не совсем привыкли много говорить о наследии.

— Воевода 1? — обратилась Кэрис к Лилиане, игнорируя вмешательство Оливье. — И как тебе жизнь в центральном Воеводе?

— Утопическая, — ответила Лилиана, а гости за столом опять рассмеялись. — Хотя и очень пафосная.

— И мы тоже должны быть такими, — сказал Джон. — Жить свободно, независимо, в постоянно изменяющихся, смешивающихся обществах — тут гордиться можно многим.

— Слушайте, слушайте, — промолвила Лилиана, перед тем как произнести клятву утопии: — Во имя кого ты действуешь?

— Не Бога, не короля или страны, — ответили все. — Во имя кого?

— Во имя себя.

Оливье воспользовался возможностью, чтобы в очередной раз наполнить свой бокал.

— Но это интересно, не правда ли, — сказал он, закрученным потоком наливая Пино Грижио^[6], — ведь мы больше говорим не о том, откуда сами, а о том, где побывали.

— В этом прелесть Ротации, — заметил Макс. — Увидеть мир, пожить в разных местах, меняя их каждые три года...

Астрид подалась вперед:

— Я получила свое имя в северном Воеводе, и во время моей шестой Ротации меня снова отправили туда. Это было прекрасно — опять какое-то время пожить в Скандинавии. Но там очень холодно.

Гости рассмеялись.

— В каком самом холодном месте ты жила? — спросил Джон.

— В России, — ответила Лилиана, — В13. Температура в местных отделениях космического агентства часто падала до минус десяти.

Оливье поежился:

— В Ирландии. Кэрис подняла бровь:

— В Ирландии? Самое холодное место?

— Несерьезно, — хихикнула Астрид. — Я была в этой стране, там совершенно приятный климат.

— Я жил на Воеводе 5 три Ротации назад, и было очень холодно, — настаивал

Оливье. — Ты ходила в бар на реке Лиффи, где часто исполняют народную музыку?

Астрид отрицательно покачала головой. Оливье был непоколебим:

— Поистине фантастическое место. — Глотнув немного вина, он соскользнул со своего стула. — Кэрис, думаю, тебе бы там понравилось. Я как-то пел там песню — классическую, о любви. Сейчас спою ее тебе. Господи, только не это!

— Слушай, может, не стоит? Макс принес пудинг... Оливье взял гитару и, пока Кэрис проклинала свою мать за то, что та заставила ее сохранить этот проклятый инструмент, начал бренчать, приближаясь к ней. О боже, о боже! Она горячо молилась, чтобы он не пел лично для нее. Когда Оливье открыл рот и запел...

— Давай я помогу, — сказал Макс, поднявшись, чтобы забрать тарелки, стоящие перед Кэрис, и мягко протиснувшись между нею и ее поклонником. Окинув взглядом стол, он спросил: — Как насчет десерта?

— Великолепная идея, — отозвалась она.

— Не поможешь ли мне? — продолжал он, в то время как Оливье яростно бренчал на гитаре за ними.

— Конечно. — Она попыталась осторожно пробраться мимо все еще играющего Оливье, но тот наклонился над ней, в его дыхании кружились винные пары.

Когда Кэрис отпрянула, Макс, вытянув руку, зажал пальцами лады, и звук гитары оборвался приглушенным металлическим шумом. Ухажер Кэрис остановился в замешательстве.

— Десерта? — сладким голосом спросил Макс. Побежденный, Оливье плюхнулся обратно в кресло, и Астрид погладила его по запястью.

— Не всем дано понять высокое искусство. — Она наполнила доверху его бокал и развернулась к нему. — Они просто не понимают.

Макс и Кэрис отнесли тарелки на кухню. Девушка закрыла дверь и, прислонившись к ней спиной, выдохнула. Макс стоял рядом.

— Черт возьми, — сказала она, глядя в потолок. — Это было настойчиво. Спасибо тебе.

— Я не могу поверить, что люди так себя ведут на цивилизованных вечеринках. Как думаешь, — продолжил он, — может, он хотел, чтобы мы присоединились и... симпровизировали что-то? Я подыграл бы ему на каком-нибудь бонго, Лилиана могла бы сложить вместе пару ложек и трещать ими, словно маракасами...

— Мозг Оливье протаранило бы нечто вроде огромных цимбал...

— Это точно можно устроить.

— Я не против пробежаться по клавишам...

— Ты играешь на пианино? Кэрис кивнула.

— Классно. Где оно?

Она вытянула пальцы, все еще держа тарелки, и улыбнулась.

— Ох, конечно. Ты можешь играть на пианино где угодно. Просто у тебя есть традиционная гитара. В другой комнате.

— Это мамина. Мы храним ее по очереди, в зависимости от того, кто живет в более холодном климате. Она говорит, влажность вредна для инструмента или что-то в этом роде. На самом деле мама одержима ею. Я же обычный хранитель гитары Гвен, и то совсем ненадолго.

— Значит, она бы огорчилась, если бы узнала, как надругались над инструментом сегодня вечером?

Они снова тихо рассмеялись, и Кэрис поставила тарелки в раковину. Макс, вытащив хлопковое кухонное полотенце, перекинул его через плечо, выкладывая шесть десертных тарелок и напевая мелодию Оливье. Они захихикали.

— Где сейчас твоя семья? — спросил Макс. Кэрис оперлась на стол, наблюдая за тем, как он раскладывает и украшает чаши с десертом.

— Мои мама с отцом в этот раз живут на В14. Мой брат работает в команде помощи в бывших Соединенных Штатах...

— Паршиво. В самом деле?

— Да. Мы уже давно ничего от него не слышали, как, впрочем, и ожидали, но все равно это тяжело. Думаю, средства коммуникации там не настолько важны, как доставка пищи и воды выжившим. Моя сестра находится на португальском Воеводе.

— Ах, — выдохнул Макс, проводя пальцем, накрытым кухонным полотенцем, по ободкам чаш. — Вот откуда твои безумные навыки в португальском, проявленные раньше на Майндшер.

Она улыбнулась:

— Ты уловил это, да?

— На скольких языках ты можешь изъясняться?

— На пяти, наверное? Шести? Скоро будет шесть. Я начала изучать греческий. А ты действительно говоришь на всех этих языках?

— Я разве похож на того, кто оставляет перевод своему чипу? — Он поднял брови.

— Нет, — ответила Кэрис, оценивая его взглядом. — Ты похож на того, кто много трудится. — Потянувшись, девушка перевернула его руку ладонью вверх. — На работягу. — Она поняла, как по-дурацки это вышло, и вспыхнула румянцем. — На кого-то, кто зарабатывает себе на пропитание. Того, кто поддерживает работу магазина, так как пообещал, что будет это делать. — Она помедлила. — Я близка к истине?

— Ближе, чем кто-либо.

— Правда?

— Да. Главным образом потому, что ты стоишь в футе ^[7] от меня.

Она закатила глаза. Взрыв смеха из соседней комнаты вернул их на землю.

— Итак, — сказал Макс уже другим голосом, — ты летаешь на шаттлах, не любишь серенады и спрашивать людей, которые всю жизнь прожили в Ротации, откуда они? — Он склонил голову набок, рассеянno глядя на нее.

— О, — ответила она, начав протирать кухонный стол. — Я всегда забываю, что, когда нахожусь рядом с людьми типа Лилианы, во мне просыпается склонность ляпнуть что-то не подумав.

— Что ты имеешь в виду под «людьми типа Лилианы»?

— Гордых. Утопических. Верующих. Макс наклонил голову:

— Таких людей, как я, значит.

— Разве?

— Да, — сказал он. — Моя семья... Нам нравится Ротация, и не важно почему.

Кэрис пожала плечами, ее лицо казалось непроницаемым.

— Мое воспитание, наверное, несколько отличается от твоего.

— Как так?

Она подвинула противень, взболтнув жир и масло, и запах жареного цыпленка снова наполнил кухню.

— Это совсем другая история и для иного времени. Может, вынесем десерт?

Что-то заиграло на его лице, когда он, ловко взяв четыре чаши, расположил их вдоль запястья и предплечья.

— Конечно. И, возможно, позже ты расскажешь мне о своем наследии.

— Возможно, — вскользь ответила Кэрис, направляясь к кухонной двери с двумя оставшимися чашами. — Только, пожалуйста, не произноси слово «наследие» при Оливье. Иначе сведешь нас, третье поколение европейцев, с ума.

* * *

— Это верно, — говорит Кэрис. — Ты всегда меня спасал, Макс. Настоящий рыцарь на белом коне. — Сумрачные звезды окружают их, пока они падают, словно марионетки, подвешенные за нити пространства. — Но это гораздо серьезнее моей жареной картошки.

— По крайней мере, ты немного успокоилась, — отвечает он, — и расходуешь воздух разумнее.

— Хорошо, — произносит она, — можешь прекратить опекать меня. Я вернулась. Я тут. Я дышу. — Она смотрит в темноту по сторонам, затем снова на голубой индикатор подачи воздуха: восемьдесят восемь минут. — Что, черт возьми, мы собираемся делать?

— Не волнуйся, — говорит Макс. — У меня есть план.

Глава третья

Восемьдесят семь минут

Он открепляет фал, они разлетаются в стороны друг от друга и, кувыркаясь, удаляются прочь от своего корабля.

— Твоя очередь побыть снежным ангелом, — говорит он, взяв ее за запястье и ногу, — потому что первая часть моего плана — найти утечку в твоём баллоне.

— О господи! — произносит Кэрис, наблюдая за тем, как белая веревка плавает между ними, и пытаясь подавить нарастающий ужас, грозящий ей новым всплеском эмоций.

Кэрис протягивает Максу клейкую ленту, и он ищет утечку молекул, также, как она делала это с его баллоном.

— Она очень маленькая, — говорит Кэрис. — Ты можешь ее не разглядеть. Поверни меня лицом к свету — только так ее можно будет увидеть.

Молча он поворачивает Кэрис в обратную сторону от Земли и вглядывается в солнечную систему, где простирается пурпур Млечного Пути.

— Знаешь, — говорит она, чтобы отвлечься, пока Макс охотится за оттоком, — звезд в космосе больше, чем песчинок на всех пляжах Земли.

— Это ужасает.

— Говорят, на одну песчинку приходится десять тысяч звезд. Представь, насколько некоторые из них больше нашего Солнца.

Через несколько мгновений он накрывает своим пальцем, обтянутым перчаткой, тонюсенькую струйку воздуха.

— Утечка на дне.

— Так же было и у тебя. Ты можешь ее заклеить? — спрашивает она.

— Да. — Он приклеивает ленту, тщательно потерев ее, чтобы убедиться, что она не отстанет, и вздыхает с облегчением. — Готово. Теперь не двигайся — я хочу посмотреть, сработает ли это.

— Что именно?

Макс ощупывает аппарат подачи воздуха Кэрис, пока не находит ручное управление на разных отсеках, затем — трубку, соединяющую ранец со шлемом. Она сильно углублена в выточку, и он отчаивается — легко ее не вытащишь.

— Макс?

— Секунду. У меня есть идея, но мне нужна минута времени все обдумать.

— Ты с ума сошел? — восклицает она. — У нас и так осталось немного.

— Тогда полминуты. Доверься мне. — Он обхватывает пальцами трубку и сильно крутит ее, чувствуя, как она начинает поддаваться. Перекатывая трубку подачи воздуха между большим и указательным пальцами, снова крутит, отвинчивая ее с длинной резьбы, удерживающей этот провод на месте. У основания ранца резина изгибается в перекрученные спирали, складываясь гармошкой, пока Макс поворачивает трубку в верхней части. Не обращая внимания на это, он продолжает, хотя ему неудобно.

— Как успехи?

— Мне необходимо сопло. Что мы можем использовать?

— Насколько большое?

— Маленькое. — Макс поднимает два сжатых вместе пальца. — Такой ширины.

— У нас есть трубка для контейнера с водой, — тихо говорит она. — Но, если возьмем ее, тогда не сможем...

— У нас есть другой контейнер. На этом мы продержимся...

— Продержимся сколько — восемьдесят шесть минут? Это все, что мы можем сделать для того, чтобы выжить?

— Нет, конечно нет. Но если мы не попробуем и не спасем себя сейчас, то наш запас воды на два дня уже не будет иметь никакого значения. Ничего не будет иметь значения, после того как у нас закончится...

Они молча смотрят друг на друга. Он накрывает ее руку своей.

— Пожалуйста.

— Ты прав, — отвечает она, накрыв второй рукой его ладонь. — Ты прав. Мы должны попытаться.

— Спасибо.

Кэрис на ощупь ищет фонарик и контейнер с водой, затем отсоединяет белую прозрачную трубочку, протягивая ее Макс, крошечный символ надежды на безграничном фоне небытия. Он тянется за ней.

— Сделай так, чтобы это сработало, — говорит Кэрис.

Макс, осторожно взяв трубочку большим и указательным пальцами, вжимает ее в воронку, сгибая пластик, чтобы он держал форму.

— Я собираюсь оставить тебе воздуха на минуту и запечатать твой запас. Экономь его как только можешь, хорошо?

Она моргает, затем кивает.

— Это скоро закончится. — Открутив трубку Кэрис от ее баллона с воздухом, Макс

говорит: — Приготовься.

— Зачем? — шепчет она.

— Постарайся не разговаривать. Дыши медленно или совсем не дыши. И не паникуй.

Отсоединив ее трубку, он присоединяет импровизированное сопло к ее концу. Одновременно нажимает кнопку ручного управления на ранце Кэрис, заставляя струю кислорода, шипя, пробираться сквозь трубочку и таким образом толкать тело девушки вперед. Она продвигается примерно на сантиметр, и Макс облегченно смеется:

— Работает!

Он отпускает ее руку, пока Кэрис относит еще чуть вперед, и наблюдает за шипением кислорода.

— Подожди. — Кэрис машет руками, дотягиваясь и хватая его. Она не может свободно говорить, пока он не подключает обратно ее подачу воздуха.

— Ты двигаешься, Кэри...

Кэрис лихорадочно подает ему сигналы, ее глаза расширены. Кислород уходит слишком быстро, она не сможет продвинуться достаточно далеко...

Она не сможет, а Макс расходует ее запас воздуха. Он хватается за заднюю часть ранца и, уже паникуя, неловкими движениями присоединяет обратно трубку подачи воздуха, закручивая ее не в ту сторону. Скрученное в пучок основание трубки отскакивает, и он ловит его, пока оно распрямляется, рассеивая все больше кислорода в космическое пространство.

Каждая секунда на счету.

Он тянет ее трубку подачи воздуха обратно и проворачивает ее в выточку, накручивая на место.

— Макс, — ахает она.

— С тобой все в порядке?

— Ты пытался заменить топливо? — Да.

— Я ни за что не смогу таким образом продвинуться на необходимое расстояние. Чтобы получить тягу, нужно нагреть газ, — говорит она, капельки пота парят сбоку от ее лица внутри округлого шлема.

— Но, — говорит Макс, — я думал, это сработает, если давление...

— Нет. — Кэрис тянет руку вытереть глаза, но не может, поэтому качает головой из стороны в сторону, чтобы стряхнуть пот. Капли впитываются в ее волосы, убранные с лица и заплетенные вокруг головы. Адреналин бьет струей, а датчик ее сердцебиения пищит. Она пытается отбросить тревогу, но частота биения сердца продолжает расти.

— Извини, — говорит Макс. Ее датчик снова пищит.

— Для тяги воздух должен находиться под давлением.

— Я не знал. Извини. — Он тянется к ней.

— Не могу поверить, что ты собирался отправить меня обратно одну, даже не обсудив это со мной.

Рука Макса замерла на полпути к ней.

— Это то, из-за чего ты на самом деле разнервничалась, не так ли?

— Сколько воздуха я потеряла?

— Не слишком много. — Его взгляд метнулся к индикатору сбоку ее ранца. — Я возьму — в следующий раз мы будем использовать мой ранец.

— В следующий раз? — кричит она, ее голос искажается. — Теперь у меня меньше воздуха, чем у тебя, поэтому тебе, вероятно, предстоит наблюдать за тем, как я умираю.

Поздравляю.

— Не психуй. Я пытался помочь.

— Конечно, но не помог. И сейчас у меня осталось меньше времени, чтобы выяснить это с тобой.

— Если бы все сработало, ты была бы в безопасности. Ты могла бы спастись...

— Господи. Мне не нужен благородный рыцарь, Макс. Его голос стал жалобным:

— Я просто пытаюсь поступить правильно.

— Спасать меня не твоя работа.

* * *

Он покинул вечеринку около полуночи, и Кэрис провела его до двери. Прислонившись к дверной раме, она укутала руки кардиганом, согревая их.

— Благодарю за вечер, — сказал он. — Спасибо, что пригласила еще одного совершенно незнакомого человека на ужин.

— Спасибо, что помог моей жареной картошке хорошо выглядеть.

Они рассмеялись.

— Что ты делаешь завтра?

— Работаю в магазине. А ты?

— Тоже работаю.

И все же он медлил.

— Будешь еще заниматься греческим в ближайшее время?

— О, несомненно.

— В языковой лаборатории? Она кивнула.

— Хорошо. Тогда я знаю, где тебя найти. — Макс сделал паузу. — До встречи, Кэрис.

Он дважды оглянулся, она отошла от дверного проема, и теперь ее силуэт был освещен оранжевым сиянием фонарей.

Макс быстро добрался домой. Чип на запястье парня распознал его жилище, стоило ему подойти, и дверь, щелкнув, открылась, после того как металлический болт легко проскочил по дереву. Макс вошел внутрь, лампа в коридоре автоматически зажглась, но, в отличие от дома Кэрис, стены в его гостиной были голыми. Фотографии последних жителей Ротации все еще висели на кухне, где готовил Макс, не замечая их улыбающихся лиц и превосходных закатов на фото.

Он задумался о том, о чем Кэрис рассказывала сегодня на вечеринке, о том, как она украшала дом, когда переехала, знакомясь на Майндшер с новыми соседями и в прямом эфире общаясь с друзьями и родственниками с других Воевод. В ее жизни было полно людей, шума и беспорядка.

— Ты действительно хочешь день и ночь видеть у себя дома столько народу? — спросил он, махнув в сторону занявших диван Астрид и Оливье, последний расплескал вино из своего бокала на светлый ковер Кэрис.

— Почему нет? — ответила она. — Тяжело постоянно быть одной.

Он не питал уверенности в том, что согласился бы с ней.

Макс поднялся наверх, стараясь переступить скрипящие половицы. Беззвучно вошел в ванную, нажав на панель для программирования чистки зубов. Прислонился к раковине,

внимательно всматриваясь в свое отражение в зеркале, все еще чувствуя мерцание взгляда Кэрис и понимая: ему не хотелось, чтобы эта ночь кончалась, пока нет.

* * *

Он коснулся плеча парня, стоявшего у двери клуба, который сразу пропустил его внутрь — Кэрис оказалась не единственной, кто воспользовался помощью Макса на Майндшер. Был уже практически час ночи, но в четверг Дормер битком забивали компании друзей, познакомившихся на своих новых Ротациях, вот и теперь они так же оттягивались по полной перед выходными внизу у бара и на стеклянном танцполе у него над головой. Он посмотрел вверх, любуясь яркими узорами, созданными движениями ног танцоров: куда бы они ни ступили, сенсорное стекло озарялось вспышками цвета под ними. Эффект пленял и был единственным украшением здания, в котором некогда размещалась церковь, а теперь находился клуб. После того как Европия объединила все вероисповедания в одну веру (а неверующих в не-веру), множество старых религиозных помещений перепрофилировали, их поразительная архитектура стала знаковым оформлением ночной жизни на Воеводе.

— Макс, сюда, — позвал его Лю, сидящий на обшарпанном стеганном мягком диване с кожаной обивкой возле бара-алтаря внизу.

Известный китайский диссидент, Лю всегда собирал большие толпы благодаря своим удивительным историям. Его окружала группа девушек, которым пока явно было некомфортно в новой компании, и Макс подошел к ним, разглаживая на себе ношенную целый день футболку и откидывая волосы с лица.

— Привет, — произнес он. Хор из «приветов» разной высоты поплыл ему в ответ, и он добродушно улыбнулся.

— Я не ожидал, что ты придешь сегодня, — сказал Лю, встав и положив руки Макс на плечи в любимом на Воеводе приветствии. — Я думал, у тебя другие планы на вечер.

Макс отрицательно покачал головой, и к ним подскочила девушка в красном платье с разрезами.

— Мы слышали о тебе, — сказала она, — знаменитый Макс.

— Ох?

— Не надо так скромничать. — Она слизала соль с запястья и опрокинула в рот стопку с текилой. Макс с беспокойством заметил, что ее губы такого же оттенка, как и платье. — Мы слышали, ты астронавт и собираешься спасти мир...

Макс выглядел встревоженным.

— Лю, пойдем, поможешь мне принести напитки. Они направились к бару, присев за стойку из древнего дерева, пока перед ними наливали текилу на всех.

— Ладно, что происходит, приятель? — спросил Макс.

— Ох, ну ты знаешь, как обычно, — ответил Лю, глядя на него, словно Чеширский кот. — Ты за все это платишь? — он ткнул пальцем в выстроившиеся на барной стойке напитки.

— Я не могу себе этого позволить на мою не-астронавтскую зарплату.

Лю улыбнулся шире:

— Я уже подогрел их для тебя.

— Ты даже не знал, что я приду.

Лю, рассмеявшись, похлопал Макса по спине:

— Тогда мне чертовски повезло, что ты здесь, ведь я не справился бы с этими женщинами, не так ли?

Макс ткнул его локтем в бок:

— Идиот.

— Я просто надеялся, что ты покажешься, как обычно, а если нет, то, по крайней мере, я завел бы пару новых друзей, ослепленных моим красноречием и отчаянно желающих познакомиться с моим другом-астронавтом.

— Это опасная игра, — сказал Макс. — Я, возможно, буду обслуживать половину из них завтра в магазине.

— Разве хоть кто-то из этих людей похож на того, кто сам себе готовит? — Лю сделал скептическое выражение лица. — Вот именно.

— Никто не похож.

— Точно. Так что наш маленький миф не настолько опасен.

— *Твой* миф, — сказал Макс, и Лю снова засмеялся. — Я встретил девушку. Сегодня. В магазине.

— Сэнди из магазина? Блондинка Сэнди? И как все прошло?

— Не ее. Другую.

Лю глубокомысленно кивнул:

— Женщины — как автобусы.

— Заканчивай, приятель, — сказал Макс, — то, как ты говоришь...

— Не нервничай, я полностью за тендерное равенство, поэтому и мужчин я так же сравниваю с предметами.

Макс, опрокинув одну из рюмок в рот, поморщился.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Тогда продолжай, — промолвил Лю. — Расскажи мне о своей новой девушке.

Заиграл знакомый ритм, и несколько девиц, сидящих на кожаном диване, запищали, стайкой направившись вверх по лестнице к стеклянному танцполу. Макс воспользовался моментом, наблюдая за ними запрокинув голову, а потом сказал:

— Она... мне есть о чем с ней поговорить. О стоящих вещах.

— Вещах?

— Вещах. То, как *мы* разговариваем. Естественно, не о случайных связях. — Он повернулся, упершись локтями в стойку. — Но, в отличие от этой компании...

— И Сэнди, — добавил Лю.

— В отличие от этих и Сэнди, — поправил себя Макс. — Это просто казалось более существенным, если ты понимаешь, что я имею в виду. Все остальное представляется таким... мимолетным.

— Вся Ротация *мимолетна*, Макс, — тихо промолвил Лю.

— Я знаю. И это никогда раньше не беспокоило меня. Мне всегда была по вкусу самостоятельная жизнь — делаешь что хочешь и когда пожелаешь. А затем просто двигаешься дальше, пока это не начнет надоедать.

— Безусловно, ты выбрал оригинальный способ для описания идеалов индивидуализма, — сказал Лю.

— Все ради себя — таковы правила. Ни национальности, ни разделения религий, никаких отвлекающих моментов или серьезных отношений, пока нас не закрепят на одном

месте. Но...

— Я в это не верю. Максимилиан, выступающий против Ротации?

Макс пожал плечами:

— Ой, успокойся, я не собираюсь поднимать революцию. Просто — вероятно — *мимолетное* может быть обычным мусором.

— Полагаю, — сказал Лю, рассуждая, — это подтолкнуло нас к погоне за сексом с красивыми людьми, потому что мы будем жить где-то в другом месте через пару лет. И я этим очень доволен.

— Правильно. И в новом море будет еще больше рыбы.

Лю не ответил.

— Отбросим чрезмерные метафоры в сторону, Макс...

— Ох, ты знаешь, о чем я, не притворяйся, будто нет. Эта девушка, Кэрис, она другая.

Теперь настала очередь Лю выглядеть встревоженным:

— Другая? Максимилиан, ты же не думаешь о... Не в двадцать семь. Не тут. — Макс молчал. — И не с этой девушкой по имени Гэри.

— Кэрис, идиот. Это уэльское имя. — Макс засмеялся. — Я знаю, знаю.

— Ты всю свою жизнь живешь в Европе, не так ли? Я, может, и не совсем знаком с ее обычаями, но Правило пар, кажется, действительно работает. Во имя кого?

Макс поерзал на месте, перед тем как произнести ответ клятвы:

— Не Бога, не короля, не страны.

— Во имя кого? Во имя себя, — закончил клятву Лю, прежде чем Макс успел ответить. — Не во имя твоей девушки, твоего парня, твоего рода или даже твоих детей. Это лучшее общество, где каждый может оставить их всех. Потому мы все способствуем утопии как индивидуальности, пока не наступит время, когда нам можно будет задуматься о том, чтобы осесть где-то и завести семью.

— И Правило пар в настоящее время гласит: возраст для этого по крайней мере тридцать пять лет. — Он опрокинул в рот еще одну рюмку. — Индивидуализм означает свободу, когда ты молод, и семью, когда ты стар. Чего еще желать? Это идеально.

— Я знаю, — вздохнул Макс.

— Не звони ей, — посоветовал Лю. — Оно не стоит того. И тут вряд ли что-то получится.

Девушки вернулись с танцпола, теперь они казались более сплоченной компанией, чем были до того, как ушли. Некоторые, отделившись от остальных, направились к туалету, в то время как девушка в красном платье проскользнула к Макс. Наклонившись над баром, чтобы сделать большой глоток через соломинку молодого человека, она неотрывно смотрела на него.

— Ты живешь неподалеку? — спросила незнакомка.

— Достаточно близко.

Лю, улыбнувшись, отошел в сторону, а девушка протянула Макс руку, ее ногти были выкрашены в ацетатный красный, в тон наряду.

— Меня зовут Лиза. Тебе нравится мое платье? — Она выгнулась в ненатуральной позе, и Макс одарил ее долгим оценивающим взглядом.

— Это, конечно, нечто. Лиза наклонилась к нему:

— Поехали к тебе.

— Я не могу. Не сегодня. Она надулась.

— А если бы метеориты уничтожили наш мир завтра, тогда ты пожалел бы о том, что не пошел ко мне сегодня? Это недалеко.

— Ты всегда такая откровенная?

— Только когда хочу чего-то. — Лиза обвила его шею руками.

— И это обычно работает?

— Всякий раз.

Макс посмотрел на нее.

— Что ж, ладно. Я лучше...

Она заставила его замолчать, прижавшись губами к его губам. Пока вела его за руку к выходу, Макс продолжал хранить молчание.

* * *

Его слова повисли в пространстве между ними, жар их ссоры остывал так же быстро, как и вспыхнул.

— Я должен попробовать спасти тебя, Кэри. Мне следует в первую очередь позаботиться о тебе. — Он смотрит на нее, на его лице — отчаяние.

— Почему?

— Потому что я никогда этого не делал там, внизу.

— О чем ты?

— Все, что ты ненавидишь, все... Я не тот, кем ты меня считала... я никогда тебя не заслуживал, с самого начала. — Он качает головой. — Я даже вернулся домой с другой в ту ночь, когда мы встретились. И в ночь до этого. — Она молчит, и лицо Макса бледнеет, как будто он хочет забрать это признание обратно. — Я не должен был — думаю, сейчас не лучший момент.

— Нет, — говорит она, — момент как раз очень даже подходящий. Я...

Он перебирает пальцами веревку, привязывая Кэрис к себе.

— Мне жаль.

— Я знаю.

— Это совсем некстати.

Кэрис думает о том, как бы объяснить ему, чем она занималась, после того как они встретились.

— Нет, Макс. Я имею в виду, *что знаю*.

Глава четвертая

Восемьдесят минут

Кэрис знает, что, имея запас воздуха лишь на восемьдесят минут, продолжать разговор было бы непозволительной прихотью, но она не может устоять перед возможностью обсудить то, чего они никогда не касались раньше. Она берет конец фала, свободный после того, как Макс отвязал ее, чтобы она добралась обратно на «Лаерт», и начинает завязывать крепкий матросский узел. Теперь уж они не разъединятся, это гарантия, что Макс не сможет

отправить ее одну обратно на корабль.

— После того как мы встретились, Макс, когда у нас появилась эта связь — ужасное слово, — я думала, увижу тебя еще раз. Но потом от тебя не было никаких вестей. — Она смотрит на него, быстро говоря, торопясь скорее выложить все и одновременно занимаясь веревкой. — Думаю, тебе известно об этом. Я работала дистанционно из языковой лаборатории, потому что ты знал, что я там буду, задавала много вопросов о кулинарии на Майндшер — и ничего. — Она задумчиво трогает крючок сбоку его ранца, затем делает петлю и протягивает конец фала через это отверстие. — Ты даже не знаешь: я ходила в супермаркет, где блондинка с именным бейджем сказала мне, что у тебя выходной.

Кэрис не обмолвилась о том, как Сэнди закатила глаза, когда она спросила про Макса, с насмешкой сказав: «Еще одна!», — ведь по глупости Кэрис добавила, что Макс помог ей на Майндшер и приходил на вечеринку. «Ты такая же, как и я, дорогая. Он всегда помогает хорошеньким».

— Мне жаль, — шепчет Макс.

Она пожимает плечами внутри скафандра, затем прокручивает верхний конец веревки обратно через петлю, образуя восьмерку.

— Через несколько недель после этого я пошла на день рождения Лилианы в клуб с подсвечивающимся танцполом, расположенный в бывшей церкви. Мне не хотелось танцевать, поэтому я сделала вид, будто у меня болит голова, и села за баром, где один парень подбивал клинья практически к каждой женщине. Я немного понаблюдала за ним. Он явно был геем, но женщинам настолько льстило его внимание, что они, кажется, не замечали этого. Было тяжело удержаться, чтобы не подслушать. Он словно выступал со сцены.

«А теперь, — Кэрис изобразила бас, закрепляя одинарную петлю на крючке на боковой стороне ранца Макса, — он, собственной персоной, величайший из ныне живущих астронавтов, все еще живой и не мертвый, — мужчина играл на публику, словно ведущий циркового представления, — перед вами Максимилиан». И там был ты. Макс таращится на нее:

— Почему ты ничего не сказала?

— Эй, мои чувства были задеты — ты ни разу не позвонил.

— Я...

— Знаю. Я поняла. Поэтому снова повернулась к бару, так, чтобы ты меня не заметил, и, как только ты отошел, у меня состоялась беседа с ведущим представления.

— Лю?

— Да.

— Ты говорила с Лю? Он мне не рассказывал. Кэрис пожала плечами, нервно глядя на синий отсчет кислорода на индикаторе.

— У нас действительно нет на это времени, — промолвила она.

— Я знаю. Расскажи мне быстро, что сказал Лю. А потом вернемся к этому. — Он указывает на «Лаерт», висящий над ними в темноте.

Она сделала такую же петлю со своей стороны, обкрутив другой конец фала и туго затянув одиночный узел, чтобы при необходимости он выдержал сильный рывок.

— Я сказала Лю, что это был бы какой-то смешной астронавт, заполняющий полки в Пасео. Он даже покраснел, но улыбнулся, словно человек, готовый выставить собственную сестру на посмешище.

— Естественно. Это безнравственный тип.

— Я спросила, зачем такая хитрость, и он вдруг стал весьма серьезным. Сказал, ему нужна была фишка, нечто, благодаря чему он смог бы развлекать людей. Учитывая, что в новостях постоянно говорили об астероидном поле, болезненное увлечение Европии космосом превратило его старания в идеальную уловку. Это слова Лю, не мои, правда.

— Ясно, — произносит Макс. — Ты бы никогда не назвала космос «болезненным увлечением».

— Он прирожденный артист. Я не понимаю, почему у него до сих пор нет собственного канала.

— Может, уже и есть, особенно если миру под нами известно о том, какую роль он сыграл, чтобы свести нас. Хотя я все равно ни на секунду не могу понять, почему ты со мной, ведь ты же знала все это, когда мы встретились.

Она оплела фал вокруг их ранцев, перед тем как закрепить предохранительными узлами веревку с обеих сторон.

— Ты мне понравился — с тобой было интересно общаться, и ты заставил меня почувствовать себя желанной. Я была настолько не уверена в себе, что мне это льстило, и меня это устраивало. Но я никогда не понимала, зачем тебе история про астронавта.

Макс положил руку на веревку.

— Она заставляла людей считать меня важной персоной.

— Мне казалось, ты и так был важной персоной.

— Я работал в магазине.

— И что? — раздраженно спрашивает она.

— Большинство людей занимаются в Европии тем, что им нравится, а мне это не нравилось.

— Ты хотел быть шеф-поваром. Почему бы не использовать историю про шефа?

Он улыбается с сожалением.

— Не особо впечатляет, не так ли?

— А космические путешествия впечатляют? Кэрис смотрит по сторонам. Он следует ее примеру, готовый выкинуть шутку, но сейчас не лучшее время, и Макс прикусывает язык. Они падают в бесконечной темноте, привязанные друг к другу за талии.

Она резко дергает рукой фал, импульс движется между ними, словно сердцебиение.

— Вот так, — говорит Кэрис, ненадолго удовлетворенная испытанием прочности крепления. — Теперь мы не расцепимся. Чтобы разрезать его, понадобится что-то достаточно острое.

— Типа микрометеорита? — спрашивает Макс. — Под нами, кстати, их очень много. Что будем делать?

— Я думаю, — отвечает она.

После того как они заклеили пробоину, их акробатические перевороты стали более плавными. Небольшой отток молекул из воздушных баллонов способствовал беспорядочности их падения. Макс сделал сопло и использовал кислород. Что если...

— Я не мог позвонить тебе, Кэри. Проклятье. Она морщится.

— Когда мы встретились... Ты знаешь, во что я верю. Во что я верил.

— Да.

— И ты была — и есть — полноценным пилотом, а я управлял магазином.

— Но в конечном счете ты начал работать там же, где и я.

— Ты сказала только, что летаешь на шаттлах. Я думал, ты могла быть сотрудником авиакомпании. Не знал, что ты там, когда они ко мне обратились.

— Ты не подавал заявку в ЕКАВ? — мягко спросила Кэрис, как если бы они обсуждали их отношения на скамейке в парке.

— Нет, — ответил Макс, — они нашли меня.

* * *

Макс работал в магазине десятый день без выходных, когда они пришли. Он хотел позвонить Кэрис, но смутно сознавал, что чувства к кому-то — настоящие чувства — приносят тревогу, и в глубине души он не желал рисковать. Его родители сошлись, когда им было уже хорошо за тридцать. Если следовать правилам, у Макса было еще почти десять лет до того, как он мог бы найти какую-то Кэрис и подать заявку на то, чтобы осесть вместе, коль захотел бы. Но все же... Он размышлял. Что если? Не было правила, запрещающего небольшие романы, — система Воевод, похоже, благодаря этому процветала. Цель Ротации — сохранить в тебе индивидуальность, свободную от национальности или связанного с ней социального давления. Но это не значило, что тебе следовало быть одиноким. Возможно, он как-то договорится о свидании. Воевода был маленьким, они уже один раз встретились... Насколько трудным это может оказаться?

Их машины медленно проскользнули на улицу Пасео дель Борн, словно туман в полдень, кислородный двигатель свистел по булыжнику, и Макс из любопытства отодвинул шторы, прикрывающие вход в супермаркет. Из машины вышло трое мужчин: пожилой джентльмен с тросточкой, в двубортном полосатом костюме, в сопровождении двух охранников в темных очках. Удивленный, Макс увидел, как они направились в сторону его супермаркета, наклонили головы, чтобы войти, и помедлили, сняв очки и давая глазам возможность привыкнуть к свету внутри.

— Нам нужен Макс Фокс, — сказал один из них.

— Хорошо, — ответил Макс. — Могу я узнать зачем? Тот, что в костюме, вышел вперед.

— Это конфиденциальная информация. Но тут не о чем беспокоиться, так что, если вы... — он оперся на свою трость и внимательно посмотрел на Макса, — знаете, где находится Макс прямо сейчас, то можете изменить его жизнь.

Макс сглотнул.

— Что ж, это предложение, от которого я не в силах отказаться. Привет, я Макс. — Он поднял руку в традиционном приветствии Воеводы, и другой мужчина в ответ положил свою ладонь ему на плечо, его запонки вспыхнули в неоновом свете.

— Рад знакомству. Извините за такие формальности, но не могли бы вы показать свой чип моему уважаемому коллеге... Отлично. Спасибо. Меня зовут Олд ос, — сказал он. — Я возглавляю отдел вербовки в ЕКАВ, ищу таланты в Воеводстве, которые могли бы присоединиться к нашей космической программе. Мы много слышали о ваших знаниях, поэтому хотели бы пригласить вас присоединиться к нам в качестве технического специалиста.

— Извините. Это какой-то розыгрыш? — Макс поставил банку консервированных ананасов, которую до этого держал в руках.

— Совершенно нет.

— Вас послал Лю? Я убью его.

— Кто такой Лю? — Олдос даже не повел бровью. — Макс, мы надеемся, что, как вы и сказали, это предложение, которое вы не сможете отклонить. — Он поправил манжеты. — Вы в одиночку удовлетворяли на Майндшер большинство запросов, касающихся еды на этом Воеводе, с тех пор как пять месяцев назад началась вторая волна Ротации, поэтому вас непосредственно нам и порекомендовали.

— Правда?

— Да. Вам нравится готовить?

— Я учился у Ван дер Кампа в Париже, — ответил Макс, в тембре его голоса проскользнула нотка гордости.

Олдос одобрительно кивнул.

— Вы хотели бы пойти с нами? Макс пробежался рукой по волосам.

— Дело в том, что это место принадлежит моей семье. — Молодой человек махнул рукой в сторону торгового зала. — Мне нужно управлять им в эту Ротацию, и такие магазины есть на каждом Воеводе. У меня нет возможности уехать на собеседование или процесс подачи заявки — я привязан к супермаркету на неопределенный срок.

— Мы предоставим менеджера на полную ставку, который будет управлять магазином вашего отца вместо вас, составляя ежедневные и еженедельные отчеты. Это вас удовлетворит?

Макс разинул рот от удивления.

— Пока я подаю заявку?

— На постоянной основе. Макс, наша система отбора кандидатов работает на основании рекомендаций касательно определенной позиции. Вы понимаете, что это означает?

Макс уже кивнул было, но затем отрицательно покачал головой.

— Это значит, что мы нанимаем только тех людей, которые, по словам наших собственных сотрудников, непосредственно подходят для определенной работы.

Проще говоря, от вас требуется заявление о приеме на работу. Присоединиться к нам можно только так. Мы не даем объявлений о вакансиях. Вы не можете подать заявку позже. Так что, боюсь, ответ нам нужен прямо сейчас.

Они застыли в тишине. Однако ее тут же нарушила блондинка Сэнди, которая появилась над опасно покачивающейся витриной с сухими завтраками.

— Это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сказал Макс. — Вам нужны кулинары в космическую команду?

Олдос приподнял бровь:

— Даже космонавтам нужно есть.

Макс раскачивался вперед-назад на пятках, держа руки глубоко в карманах, взвешивая свои варианты.

— Хорошо, — медленно произнес он. — Я участвую.

— Кто-то приедет за вами завтра. Соберите вещи, которых вам хватит на девятьсот часов. — Сказав это, удивительно щеголеватый Олдос наклонил полы шляпы.

Трое мужчин вышли из магазина, оставив Макса, который провожал их взглядом, в одиночестве.

Кэрис отводит глаза, глядя в темноту, что покрывает Землю, когда там садится солнце, хотя здесь это не так.

— Удивительно, не правда ли? Ты получил возможность одновременно заниматься желанной работой и той, виртуальной, которой хвастал для того, чтобы снимать девушек.

Он морщится, но игнорирует эту шпильку.

— Они сказали, основой данного решения стало количество кулинарных запросов на Майндшер, которые я удовлетворил.

— Рекомендации для работы, — кивает Кэрис.

— Я думал, у нас будут все шансы встретиться, — говорит он.

— Во время ланча? Да.

— Я не мог поверить в это, когда вновь увидел тебя. Моя жизнь перевернулась с ног на голову, для меня открылась возможность делать удивительные вещи. Наконец-то я мог сказать, что теперь практически являюсь астронавтом...

— Уверена, девушкам это нравилось...

— И я попадал в действительно хорошее место, ведь там была ты, та, которой я по глупости дал уйти. — Он помедлил. — Кэри, две минуты назад ты сказала мне, что всегда знала, какой я.

Чтобы избежать обмена доводами — а к этому склонны все пары, когда уже прошел этап гнева и улаживания ссоры, — разговора, который закончится на том, с чего и начался, после одного колючего комментария, Кэрис просто ответила:

— Извини. — Но дальше она уже не смогла себя сдержать. — Однако ты только что назвал меня той, которая ушла.

— И что?

— «Та» подразумевает одну из многих.

— Нет, не подразумевает, — вздохнул Макс. — Это значит, я понимал, что упустил тебя. Ты засела у меня в голове, но нам бы не позволили быть вместе таким образом — пока нет, — и в то время я ничего не мог с этим поделать.

Их взгляды встретились. Он накрыл своей рукой ее ладонь, лежащую на веревке, и посмотрел ей прямо в глаза:

— Почему мы уделяем этому особое внимание?

— Ты прав, — ответила она, глядя вниз на голубое свечение Земли в темноте под ними. — Нам предстоит нелегкая работа. Теперь не двигайся.

Глава пятая

Семьдесят пять минут

Пока они уверенно продолжают падать, отдаляясь от «Лаерта», Кэрис скручивается, чтобы посмотреть на воздушный манометр сбоку ее ранца, затем смотрит на баллон воздуха Макса прямо перед собой. Семьдесят пять минут. После этого разговора у них осталось на пять минут меньше воздуха. Господи. Она пробегает руками по его ранцу, нащупывая разные

отсеки на гладкой рифленой поверхности.

— Я спрошу у Озрика о выбрасываемом углекислом газе.

Кэрис печатает, быстро шевеля пальцами, ее руки двигаются перед Максом. Технология считывания движений практически моментально превращает сокращения мышц девушки в комбинации букв, а буквы — в интуитивный ввод текста и наконец текст — в наиболее вероятное слово в контексте. Неправильные предложения заменяются одним взмахом. Система практически безупречна, между тем, как и большинство программных обеспечений, иногда выдает опечатки в режиме автокоррекции. Кэрис останавливается, чтобы прочитать ответ Озрика.

— Ты скажешь мне почему? — спрашивает Макс.

— Да. — Она находит кнопку ручного управления на его ранце и сразу кладет на нее палец, размышляя, стоит ли нажимать. — Озрик говорит, кислород хранится в верхней части, — читает Кэрис со стекла своего шлема, — с диоксидом углерода в медной сетке прямо под ним.

— Хорошо. О чем ты думаешь? — спрашивает он. Рука Кэрис все еще играет с пластиковой кнопкой.

— Ты пробовал использовать воздух в качестве топлива. Почему бы не попробовать углекислый газ? Он нам все равно не нужен.

— Ох.

— Стоит попробовать. Макс корчит гримасу:

— Разве это не очевидно? Я идиот.

— Нет, — говорит Кэрис. — Все дело в том, что он не хранится в газообразной форме. Скафандр замораживает вытесненный углекислый газ в вентиляционном потоке. Вся система представляет собой радиатор.

— Что означает...

— Это замороженный блок. А чтобы использовать его в качестве топлива, нам нужно остановить его заморозку.

— Хорошо, — говорит он. — Сообщи мне, когда придумаешь, как это сделать.

Она замирает и смотрит на него.

— Извини. Ты разбираешься в этом лучше меня.

— Надо полагать, это я и Озрик, — говорит Кэрис, чтобы успокоить его. — Углекислый газ заморожен в медной сетке при температуре минус сто сорок градусов. — Она изучает сводку от Озрика. — Затем он попадает в охлаждающую камеру и подается обратно в наши шлемы, чтобы не запотевало лицевое стекло. Поэтому нам нужно будет... — Кэрис умолкает, обдумывая это, — прервать поток до того, как углекислый газ попадет в медную сетку и заморозится.

— И как мы это сделаем, гений?

— Нам нужно будет извлечь отсек с медной сеткой. Макс удивлен:

— Ты хочешь отсоединить часть ранца, здесь?

— А у нас есть выбор? — спрашивает Кэрис.

— Что, если ты его уронишь?

— Он повиснет в невесомости. Или ты можешь поддержать его для меня.

— Но тогда, — голос Макса становится тише, — углекислый газ определенно не будет выходить из наших скафандров. Мы начнем дышать им.

— Это не важно, ведь мы направимся обратно к «Лаерту».

— Это *будет* важно, если мы потеряем сознание, — приводит он разумный аргумент.

— Это не будет иметь значения, если мы вернемся обратно.

Он замолкает лишь на долю секунды.

— Ладно. Давай попробуем. — Его сердце бешено колотится, когда он отворачивается от нее, облегчая ей доступ к своему ранцу. — Делай свое дело. Вперед, команда, — говорит он.

— Хорошо. Я достану твой отсек с медной сеткой, отсоединю охладитель, и без этих двух охлаждающих элементов газ должен быть достаточно теплым...

— Меньше предположений, пожалуйста. Давай более определенно.

— Газ должен быть достаточно теплым, — повторяет она, открывая среднее отделение его скафандра. — А затем я использую поток выходящих газов в качестве воронки. — Она секунду колеблется, после чего нажимает на отлитую пластиковую кнопку, сдвигая ее в сторону. Отделение выезжает вперед и открывается, выпуская дымок. Кэрис выталкивает секцию пальцами, конусообразная сетка скользит дальше, совсем ледяная. Кэрис сжимает ее корпус, затем вынимает сетку, оставляя ее парить в космическом вакууме, в свободном падении, также, как они. — Держи, — говорит она, мягко подталкивая сетку к Макс, который ловит ее руками в перчатках.

— *Озрик*, — набирает Кэрис, — *мне нужны инструкции, чтобы освободить поток выходящих газов Макса.*

— Привет, Кэрис. Я должен предупредить, что удаление медной сетки приведет к гиперкапнии у Макса.

— *Дай определение гиперкапнии.*

— Потеря сознания. Выходящий поток газов генерирует один фунт^[8] вытесненного углекислого газа, но Макс в своем скафандре вдохнет в три раза большее количество CO₂ за тот же отрезок времени. Этого не хватит, чтобы продвинуть Макса вперед, но, безусловно, негативно скажется на его дыхании и состоянии сознания.

— *Насколько далеко это его продвинет?*

— Не очень, Кэрис, до того как он наверняка впадет в гиперкапническое состояние.

— Дай мне этот конус. — Тон Кэрис такой резкий, что Макс вздрагивает.

— Что?

— Мне нужно поместить его обратно. Он передает ей проволочную сетку.

— Реинтеграция необратима.

— Извините, Кэрис. Сетчатый фильтр молекул представляет собой сложную часть физики.

— Снисходительный засранец, — бормочет она, и Макс смотрит на нее.

— Как видите, удалив прилегающую сетку, вы получили прямой доступ к основному запасу кислорода в скафандре Макса.

Кэрис медлит.

— У тебя все в порядке? — обеспокоенно спрашивает Макс.

Она поворачивается к нему, сдерживая улыбку.

— Подержи конус секундочку, можешь? Мы попробуем кое-что другое.

Макс выглядит растерянным.

— Это был план Б, — объясняет она. — А сейчас мы применим план В.

— План лучше? — Да.

— У нас было девяносто минут, Кэри. Теперь... — он смотрит на индикатор и

закусывает губу, — семьдесят три. Давай попробуем что угодно, чтобы получить больше.

— Хорошо, — говорит она. — Давай вычислим, как нам воспроизвести эту химическую реакцию.

— Реакцию?

— Я собираюсь изменить химическую формулу кислорода в твоём баллоне. — Она указывает на его ранец. — Сзади.

Макс стонет:

— Химия. Это никогда не было моей сильной стороной. Я не продвинулся дальше изучения птиц и пчел.

Она смотрит на него с удивлением:

— Макс, это была биология.

* * *

В первый раз, когда она увидела его снова, он каким-то образом оказался перед ней в очереди за обедом, громко смеясь над чем-то, чего она не услышала. Столовая ЕКАВ была наполнена голосами и резким треском кухонных сковородок. Он подзагорел, поэтому контраст его смуглого лица, пятнистой, покрытой веснушками переносицы с белыми зубами был поразительным. Закрыв глаза, Кэрис через силу сдержала порыв не повернуться и не ускользнуть, в то время как адреналин нарастал — парень выглядел таким, каким она хотела его видеть. *Он не такой уж неземной экземпляр. Обычный человек.* Она посмотрела вниз на свой форменный голубой топ, сделала глубокий вдох и наклонилась вперед, якобы изучая ассортимент мяса.

— Это говядина? — спросила Кэрис довольно громко, и обслуживающее устройство запищало. Там, в начале очереди, он не повернулся на ее голос, и она мысленно выругалась. Она вышла из очереди. — Думаю, сегодня я хочу овощей, — добавила Кэрис и медленно побрела к прилавку с овощами, теперь всего в нескольких дюймах от него. — Можно мне брокколи, пожалуйста? — обратилась она к обслуживающему устройству, краем глаза заметив, как он повернулся. — И немного картофеля, если есть.

— Жареного? — сказал он, встав рядом с ней, но обращая свой вопрос к устройству. — Знаешь, существует секретный рецепт отличной жареной картошки. Хочешь, скажу какой? — Не дожидаясь ответа, он прошептал: — Это гусиный жир.

— Некоторые вещи никогда не меняются, — промолвила Кэрис.

— Однако, — произнес Макс, повернувшись и посмотрев на нее, — кажется, все изменилось.

— Привет, Макс.

— Кэрис. — Он почтительно поклонился, его взъерошенные вьющиеся волосы торчали во все стороны.

— Ты помнишь, как меня зовут, — сказала она, забирая свою тарелку. — Приятно удивлена тем, что увидела тебя здесь.

— Какая ты чудная. Говоришь, будто так и должно было случиться, но на самом деле из всех мест на Земле...

— ...ты вошел именно в мою столовую, — закончила она. — Это несколько неправдоподобно. Как ты?

Улыбка исчезла с его лица.

— Я хотел позвонить тебе.

— Неужели? — Кэрис опешила от такой резкой смены темы, но пыталась этого не показывать.

— Правда. — Он говорил всерьез.

— Ничего страшного.

— Я каждый день на протяжении двух месяцев сдерживал себя, чтобы не набрать твой номер. Моя семья...

Кэрис оттолкнулась бедром от прилавка с овощами.

— Ты немного забегаешь вперед, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал непринужденно. — Я полагала, мы могли бы поговорить о погоде.

Он улыбнулся, но не ответил.

— Хорошо. — Она вздохнула. — Ты не позвонил. Макс помедлил.

— Я думал, мы вскоре поймем, что слишком разные.

Они были одеты в одинаковые футболки ЕКАВ, держали одинаковые подносы, стояли в одной и той же столовой на Воеводе 6. Кэрис посмотрела на него ироничным взглядом.

— Я не знал, что сказать, — добавил он.

— Зато ты много чего говорил, когда мы встретились, — поддразнила его девушка, — на куче разных языков.

— Это было неплохо, не так ли? — спросил он.

— Очень хорошо. — Он просиял, и она почувствовала, как у нее внутри все расцветает. — Так гладко.

— Это не специально, — ответил он. — Я ничего не изображал для того, чтобы произвести на тебя впечатление...

Она подняла бровь.

— Разве лишь это тебя впечатлило? — спросил Макс. Они рассмеялись, и он украдкой окинул ее взглядом: поджарая, сильная от подготовки в ЕКАВ, с длинными рыжевато-коричневыми волосами, спадающими по плечам, и несколькими прядями, которые сверкают золотом в искусственном свете столовой.

— Рад снова видеть тебя.

— И я тебя.

— Проводила какие-либо импровизированные музыкальные вечера в последнее время?

— Не то чтобы, — ответила она. — Я стараюсь держаться подальше от мужчин, размахивающих гитарами.

— Правильное решение, — сказал Макс, когда стены вспыхнули зеленым светом, означающим начало послеобеденных занятий. — Черт, — выругался он, — я еще даже не поел, а уже надо возвращаться обратно. — Он начал укладывать свой обед между двумя кусками хлеба. — Любимое блюдо моего младшего брата. Кент съест что угодно, если оно выглядит наподобие сэндвича, — объяснил он.

— Его зовут Кент, как политика? Макс кивнул:

— Один и тот же человек. Назван в честь нашего любимого основателя утопии.

Кэрис изо всех сил старалась не поморщиться.

— Что тут скажешь? Мои родители — глубоко верующие люди. Слушай, мы можем увидеться снова?

— Не уверена, — ответила она.

— Пожалуйста!

— Не знаю. — Она, взяв тарелку в другую руку, издавала нечленораздельные звуки, размышляя.

— Сегодня вечером?

— Я не могу...

— Пожалуйста, Кэрис. Я хочу тебе кое-что показать. Это то, что бывает лишь раз в жизни. — Она опять рассмеялась, и он состроил гримасу. — Я только что снова проиграл это у себя в голове, и да, все действительно звучало как прием пикапа. Но, шутки в сторону, сегодня вечером должно произойти нечто, на что я собирался посмотреть сам, однако мне очень хотелось бы взять тебя с собой. Ты могла бы освободиться?

— Возможно.

— Пожалуйста!

— Полагаю, — сказала она, поддаваясь, — если ты появишься у двери моей квартиры и это действительно именно то, что бывает лишь раз в жизни, я могла бы подумать над тем, чтобы выйти.

— Замечательно, — ответил Макс, придавливая куском хлеба свой ланч. — Я зайду за тобой в десять. Ты не пожалеешь.

— Я не поеду на этом.

— Хотя бы попробуй — на нем отлично ездить.

— Ни в коем случае.

— Попробуй.

Макс и Кэрис стояли на улице возле ее дома, глядя друг на друга через гибридный велосипед. Макс призывно повернул к ней руль, а она скрестила руки на груди.

— Ну давай, я взял этот для тебя, — уговаривал он. — Мой стоит за домом.

— Нет, Макс. Меня пугает не велосипед, а другие люди на дороге.

— О да, это весьма справедливо — люди здесь сумасшедшие.

— Да, черт возьми, и они определенно правы. Я не сяду на это, когда мимо пролетают трамваи со скоростью сто километров в час.

— Ты предпочла бы прогулку пешком?

— Точно, — ответила она. — Извини. Вздыхнув, он покатил свой любимый велосипед в боковую аллею, там прикрепил его к земле жидким замком, который достал из кармана и размазал по всему переднему колесу. Замок затвердел, и Макс попробовал толкнуть велосипед — убедиться, что его нельзя сдвинуть с места.

— Подожди.

У Кэрис возникло необъяснимое чувство, будто она, не желая быть легкой на подъем, каким-то образом уже портит воспоминания о сегодняшнем вечере. А ведь когда-нибудь в будущем она могла бы оглянуться назад и вспомнить, как они мчались на велосипедах по ночному городу, как ее волосы развевались на ветру и Макс, радостный, оборачивался к ней. Она знала, что это был один из тех случаев, когда ей стоит прекратить самой преграждать себе путь, пренебречь осторожностью; знала, что Макс может оказаться человеком, больше реагирующим не на то, как этот вечер выглядит внешне, а на энергию настоящего момента.

— Принеси велосипед обратно, — промолвила она. Макс заулюлюкал и энергично снял замок.

— Ты не пожалеешь об этом, Гэри.

Она шлепнула его по руке.

— Кэрис. Кэри — если питаешь ко мне нежные чувства. Болванка — если нет.

Он поставил велосипед перед ней.

— Ты поняла. Теперь садись на него. — Он улыбнулся, и она перекинула ногу через раму, вырвала его из рук Макса и полетела вниз по улице в поток ночного транспорта.

Он помчался на другом гибридном велосипеде к Кэрис, ожидающей его на светофоре.

— А ты чертовски быстра. Я думал, ты не чувствуешь себя уверенно с подобными вещами.

— Тебе нужно слушать внимательнее, — громко сказала она. — Я говорила, что боюсь других людей на дорогах. Не себя. — Светофор вспыхнул зеленым, и девушка сорвалась с места, ее инстинкты пилота рвались наружу, когда она виляла по стальным трамвайным путям. Серебристый гибридный трамвай тянулся рядом с ней, сияющие поршни длиной в весь вагон втягивали кислород с каждым толчком и движением насоса.

— Кэрис, — окликнул ее Макс. Она не слышала. — Кэри! Эй, Болванка!

Она повернулась назад к нему:

— Что?

Он улыбнулся:

— На втором повороте налево, на Пасео.

— Мы едем в супермаркет? — удивленно спросила она.

— Нет, дурашка. Может, позволишь мне направлять тебя?

— Это не порадует мое эго, — ответила Кэрис и опять влилась в поток транспорта, свет фар освещал ее силуэт.

— В таком случае... — Макс включил ускоритель, резко подрезав другого велосипедиста, и мгновенно отклонился на спуск с тротуара, чтобы набрать скорость.

Кэрис, в свою очередь, проехала мимо первого поворота налево, переключившись на ручное управление и быстро крутя педали, она сменила передачу, повернула за угол и круто развернулась, обогнав Макса на пути к супермаркету.

— Ради бога, — сказал он, запыхавшись, когда подъехал на несколько секунд позже.

— Не нравится проигрывать? — поддразнила его девушка.

Он спустил ноги на землю и отдышался.

— Я больше за командную игру.

— Тогда куда мы направляемся?

— Сюда, — сказал Макс, и они поехали рядом, поддерживая беседу на скорости сто километров в час.

Остановились возле забора с выкованной из железа геральдической лилией, древние перила едва удерживали разросшуюся живую изгородь, грозившую вывалиться на дорогу. Макс и Кэрис слезли с велосипедов, закрепили их и направились ко входу, практически скрытому за диким кустарником. Макс отпер железные ворота, с силой толкая их, чтобы открыть, и вместе с Кэрис прошел сквозь них, нерешительно ступая в темноте. Узкая тропинка, извиваясь, вела к мощеной лестнице.

— Нам можно... — Она передумала и начала подниматься сквозь тени.

— Скорее всего, нет, — ответил он приглушенным голосом. И через секунду добавил: — Нет фонарика?

— Нет.

— Жутко.

Они в тишине прошли по лестнице. На вершине небольшой возвышенности тропинка расширилась и открыла вид на город, светящийся в темноте, смешанную картину из стекла и стальных конструкций внутри крошащихся испанских руин. Прямо перед ними, в тени, был невысокий купол с закрытыми ставнями на крыше. Дерево обветрилось, вокруг двери росли сорняки и кустарники.

Кэрис уставилась на здание перед ними.

— Это обсерватория?

— Пойдем.

Макс взял ее за руку, она, подскочив от его прикосновения, быстро пришла в себя и направилась с ним к зданию. Он несколько раз толкнул дверь, которая таки поддавалась, после чего парень с девушкой пробрались внутрь.

— Как ты?..

— По-моему, ты задаешь много вопросов.

— Я начинаю слегка паниковать, когда нахожусь в полном неведении. Мне нравится знать, каким образом все устроено и где я. Как ты нашел это место? Почему мы тут? Я понятия не имела, что такие до сих пор есть.

— Я нашел ее пару недель назад. Она старая, еще тех времен, когда наблюдение за космосом велось в основном с Земли.

— Вау. — Кэрис сделала несколько шагов внутрь крошечного здания и положила руку на большую деревянную балку, разделяющую помещение, как брус на лодке. — Здесь используется только видимое освещение?

— Я так не думаю.

— Он оснащен лишь видимым светом, — поправляя Макса, с легкой насмешкой в глазах сказала Кэрис. — Это действительно старое оборудование.

Он добродушно пожал плечами:

— Хочешь посмотреть?

— Он все еще работает? — Сильно удивленная, Кэрис бросила взгляд на Макса.

— Вот почему мы здесь. — Он начал подготовку: открыл заплесневелый деревянный ставень и подтолкнул телескоп к иллюминатору. — Сегодня последняя ночь за ближайшие тридцать лет, когда ты невооруженным глазом можешь увидеть Сатурн из этой части Земли.

— А как же космические миссии?

— Невооруженным глазом, — повторил он с улыбкой. — Над нами, там, где мы находимся прямо сейчас. Я хочу показать тебе кольца Сатурна.

— Это очень романтично. Макс озорно улыбнулся:

— Иногда я могу блеснуть.

— Я заметила.

Он подвел Кэрис к телескопу:

— Поворачивай линзу, чтобы регулировать резкость. Она наклонилась и ахнула. Прямо в окуляре был Сатурн: маленький, серый и круглый, идеально окольцованный дымчатыми линиями.

— Он выглядит как на картинке. Это не может быть реальностью.

— Но он есть. — Макс подошел к ней сзади. — Я слышал, чем дольше смотришь, тем лучше видно.

Пока ее глаза привыкали, а облако астероидов над Землей двигалось в сторону, чернота ночного неба сделала сферу более резкой, и Кэрис увидела, что оттенки колец Сатурна

пурпурные. Макс приблизился еще на один шаг.

— Удивительно, не правда ли?

— Захватывающе. — Она, повернувшись, улыбнулась ему, затем снова наклонилась к окуляру. — Я хочу как-нибудь слетать туда.

— Это было бы невероятно. Я люблю звезды.

— Я тоже. — Кэрис молча вглядывалась в кольца Сатурна, пока ее глаза снова не фокусировались на планете. — Ни один из пилотов ЕКАВ не мог долететь дальше мезосферы Земли, с тех пор как появились метеоры.

— Ты полетишь.

— Надеюсь, — сказала она, когда метеоритный дождь засветил изображение в телескопе, на мгновение затенив планету. — Хочется увидеть ночное небо без фейерверков — я все еще не поднималась выше стратосферы.

— Чем же ты тогда занимаешься целыми днями? Она улыбнулась, все еще глядя на Сатурн через линзу, когда планета опять возникла в темноте.

— Космические агентства всегда набирали пилотов. Я пилотирую шаттлы ЕКАВ в земной атмосфере, учусь летать выше — в настоящее время это в основном симуляции и параболические полеты. Но в один прекрасный день в ближайшем будущем у меня появится возможность добраться до пояса астероидов и, вероятно, попробовать найти пути выхода. Они сейчас наносят астероидное поле на карту. Я хотела бы увидеть Сатурн без пояса камней, загораживающих обзор.

— Увидишь, знаю, что увидишь. — Он нежно поднял ее волосы и поцеловал в заднюю часть шеи.

Она прижалась к его руке, и он пробежал большим пальцем вниз по ее обнаженному плечу.

— А чем ты занимаешься целый день? — спросила она, стараясь говорить непринужденно.

Макс отпустил ее волосы, и они прядями упали на ее спину, пока он неподвижно стоял за ней.

— Я думал, буду в команде поваров, готовить для астронавтов типа тебя, — ответил он, — но меня продвигают по линии области питания и исследований.

— Интересно.

— Это, конечно, неожиданно для кого-то, кто совсем недавно работал полный рабочий день на трех работах. — Его рука скользнула по изгибу ее плеча к талии.

— Напомнишь?

— Посыльный в магазине, шеф-повар и преследователь девушек, похожих на Кэрис.

— Я помню. — Она помедлила. — Ты так делаешь со всеми девчонками?

— Кэри, — произнес он недрогнувшим голосом, — думаю, буду честен, если скажу: все, что я делаю с тобой, — это впервые.

— Что, например?

— Не знаю... Вламываюсь в заброшенные обсерватории, чтобы понаблюдать за небесными событиями, происходящими один раз за всю жизнь. Продолжаю что-то с тобой. Размышляю над тем, какая на вкус кожа у тебя на шее. — Она покраснела, и он рассмеялся. — Ты другая, и это заставляет меня думать о том, есть ли у меня шанс тоже стать другим.

Она повернула голову и посмотрела Максy в глаза, прижавшись к нему.

— Но мы не можем нарушать правила. Я не хочу, чтобы меня уволили.

— За эти невинные отношения? — спросила Кэрис, сохраняя непринужденный тон. — Я не могу поверить, будто они заморачивались бы по такому поводу.

— Лучше поверь. До меня доходили разные слухи: людей просили уйти, когда они сознательно нарушали правила и принципы. — Макс опять поцеловал ее в шею. — Посмотри еще раз на ночное небо, — прошептал он. — Сфокусируйся на кольцах.

Она снова наклонилась, а он держал Кэрис за талию, все еще чувствуя ее дыхание на себе. Пока девушка смотрела на кольца Сатурна, видимые последний раз за ближайшие тридцать лет над тем местом, где они стояли, Макс руками проводил круги по ее шее и спине, прижимая и согревая ее.

Глава шестая

Семьдесят минут

— Я собираюсь изменить химическую формулу кислорода в баллоне у тебя на спине. — Кэрис застывает, глядя на индикаторы запаса воздуха, который все убывает.

— Хорошо, — соглашается заинтригованный Макс.

— Мне необходима пара секунд, чтобы обдумать это. Нужно поразмыслить о кислороде.

— Я могу помочь? — На лице Макса отражено сомнение, его слишком недолгая подготовка в качестве астронавта оставляла желать лучшего, но Кэрис кивает, размышляя вслух:

— Кислород изначально называли «огненным воздухом» — он на самом деле является мощной энергетической силой. Большое заблуждение. Существует множество типов кислорода: диоксид O_2 , озон O_3 , O_4 — их по одному открывали почти каждое столетие, в таком порядке.

— Что ты хочешь этим сказать? — Макс покачивается в легком нетерпении.

— Наука и развивается, и разрушает себя с течением времени. Если мы проживем достаточно долго, то настанет пора, когда большинство теорий, которые сейчас воспринимаются как факт, будут опровергнуты. Всегда существует лучшая, более продвинутая теория — нам просто нужно для начала расширить собственные знания.

— Это как концепция о том, что мир плоский. — Его взгляд падает на округлые очертания Земли, море метеоритов сгущается на горизонте под ним.

— Именно. Когда мы лучше познаем физику, кислород тоже усовершенствуется. Это не совпадение. Мы учимся применять к нему более сложные научные технологии, а значит, он сам по себе развивается.

— В 2001-м выяснилось, что O_4 на самом деле не O_4 , а группа молекул кислорода под давлением, который использовался в ракетном топливе в начале двадцать первого века. Очень мощный красный кислород, но O_8 — сверхмощный.

— Ладно, я с тобой согласен, насколько мне позволяют мои скромные познания в химии, — говорит Макс. — Ты собираешься сделать что-то необычное с кислородом и превратить его в топливо.

— Окислитель.

— Хочешь сделать его окислителем.

— Именно, — отвечает она.

Макс протягивает руку в перчатке, чтобы дать Кэрис пять, и она касается его ладонью.

— *Озрик*, — набирает девушка, — *подтверждаешь, что я могу вызвать химическую реакцию с некоторым количеством кислорода в ранце, чтобы сделать окислитель?*

— Привет, Кэрис. Если вы сможете сгенерировать реакцию с результирующей двойной ромбовидной симметрией, то этот элемент можно будет использовать в качестве окислителя.

— *Мощного окислителя?* — Да.

— *Объясни понятие двойной ромбовидной симметрии.*

— Мы говорим об O_{16} , Кэрис.

— *Ой.* — Она пару секунд размышляет, глядя на Землю с ее ярко-зелеными и голубыми участками суши и океана, глаза девушки задерживаются на удивительно коричневой пустоши на том месте, где когда-то были Соединенные Штаты. — *Что будет, если нам не удастся получить достаточное давление?*

— Вы можете создать другой аллотроп.

— *Это будет плохо?*

— Не обязательно. Если у вас выйдет O_8 , ситуационный анализ показывает пятидесятипроцентную вероятность того, что вы сможете использовать его как окислитель, достаточно мощный, чтобы применять этот элемент в качестве топлива.

— *Значит, стоит попробовать,* — печатает она и, как запоздалую мысль, добавляет: — *Спасибо.*

— Пожалуйста.

Подсознательно Кэрис замечает отсутствие своего имени в конце этого предложения, но продолжает планировать химическую реакцию.

— Как продвигается? — Пока она переписывалась с Озриком, Макс еще больше осознал всю катастрофичность их положения. Его взгляд опустился к метеоритам под ними, а затем поднялся вверх к «Лаерту». — Все хорошо?

— Неплохо. Озрик говорит, нам нужно создать O_8 . — Она намеренно преуменьшает задачу, оценивая его реакцию. — Красный кислород.

— Ты хочешь получить красный кислород — здесь? — Да.

— В космосе, без каких-либо элементов контроля. Красный кислород. — Он выглядит иронично. — Не в лаборатории.

— Нет.

— В космосе. — Да.

— Без инструментов.

Она выкладывает все начистоту:

— На самом деле поднять наши шансы на выживание может O_{16} .

— Что?

— Черный кислород. Но Озрик говорит, если мы в состоянии приблизиться к O_8 , у нас тоже будет шанс.

— Черный кислород, — вторит ей Макс. — Это невозможно.

— Мы должны попробовать. — В ее тонком голосе звучит мольба. — Давай, Макс. Нам стоит попытаться.

Он поднимает на нее испуганные глаза:

— Хорошо. Что мы делаем?

— Кэрис. — Слово вспыхивает голубым цветом в боковой части стекла ее круглого шлема, абсолютно незваное, и адреналин девушки подскакивает.

— *Да, Озрик?*

— Панели вашего скафандра обнаружили большой приток ультрафиолета.

— *И что?*

— Солнце находится в пределах прямой видимости от вас?

Кэрис смотрит обратно на корабль и видит рассвет, который во всем блеске поднимается над кораблем.

— *Да, нас отнесло дальше от «Лаерта», так что мы больше не в тени.* — Она опять касается задней части ранца Макса, пробираясь сквозь отверстие для сетчатого конуса к запасу кислорода.

— Кэрис.

— *Что, Озрик?* Я занята, — бормочет она, выключая звуковые оповещения Озрика, перед тем как ее сердце поддается напору адреналина.

— Вам нельзя оказывать никакого влияния на кислород под воздействием ультрафиолетового излучения.

Кэрис замирает:

— *Почему?*

— При химической реакции между молекулами кислорода под воздействием ультрафиолетового излучения Солнца существует высокая вероятность создания триоксигена.

— Что происходит? — спрашивает Макс.

— Подожди секунду.

— Скажи мне...

— Кэрис, триоксиген не сработает как окислитель либо топливо, и если вы его вдохнете...

— Кэри, что происходит? — Макс хватается за руку.

— Что-то не так с Солнцем...

Задняя часть ранца Макса отскакивает, после того как она его открепляет, и плывет в невесомости, поэтому она стряхивает его руку, чтобы удержать элемент.

— *Что если молекулы все еще внутри его ранца?* — набирает она.

— Негативно, уровень триоксигена слишком высокий.

— Кэри, я клянусь...

— Ради бога, подожди. Озрик говорит что-то про реакцию кислорода на ультрафиолет... *Озрик? Дай определение триоксигена.*

— Триоксиген, O_3 , также известный как озон. Менее стабильный аллотроп молекулярного кислорода O_2 ...

— Кэрис, — в голосе Макса звучит отчаяние.

— Черт. — Она цепляется за его руку. Он все еще сжимает ее. — Черт. — Она аккуратно забирает у него сетчатый конус и помещает его обратно в ранец, защелкивая отсек, затем отпускает, и теперь Кэрис соединена с ним только веревкой фала. — Это не сработает.

— Почему?

— Риск слишком высок. Если у нас не получится создать красный или черный кислород,

мы создадим O_3 . Из-за Солнца.

— Озон?

— Да. *Озрик, перечисли медицинские последствия вдыхания озона.*

— Побочные эффекты воздействия озона: вызывает респираторные симптомы. Нарушения функций легких. Воспаление дыхательных путей. Респираторные симптомы могут включать: кашель, раздражение в горле; болевые симптомы, жжение или дискомфорт в области грудной клетки при глубоком вдохе; стеснение в груди, одышку или затруднение дыхания и в некоторых случаях смерть.

— *Понятно.*

— Если бы я только мог поговорить с Озриком, — бормочет Макс. — Ужасно жаль, что у меня нет моего флекса.

— Сомневаюсь, что ты хотел бы прочесть то, что он мне сейчас пишет. — Макс корчит гримасу, и Кэрис протягивает к нему руку. — Я уверена, мы можем каким-то образом перепрограммировать мой, если хочешь.

— На это нет времени. Продолжай ты. — Его взгляд падает на ее понижающийся показатель уровня воздуха.

— Ладно.

— *Озрик, — импульсивно набирает она, — ты можешь подвинуть корабль, чтобы закрыть любое ультрафиолетовое излучение Солнца?*

— Ответ отрицательный, Кэрис. Системы навигации и управления выключены.

— *Ох! — Она секунду думает. А потом пишет: — Ты можешь сделать так, чтобы наша переписка отображалась и в скафандре Макса?*

— Да, Кэрис. Вы хотите, чтобы при передаче этого диалога он появился в виде текста в шлеме Макса с удаленными ругательствами?

— *Он не ребенок. Можешь оставить все дословно.*

— Подтверждаю.

Секундой позже стекло в шлеме Макса оживает и на нем появляется голубой текст всей переписки Кэрис с Озриком, расположенный в его поле зрения с выравниванием по левой стороне.

Макс моргает и смотрит вверх, прокручивая разговор к началу.

— С тобой он общается иначе.

— Чепуха.

— Правда. Господи, Кэрис, тут говорится о серьезных медицинских предостережениях по поводу влияния озона.

— Я знаю, но неужели хоть одно из них хуже, чем верная смерть? — спрашивает она. — Если мы попробуем и у нас не получится, то повредим легкие. Но разве не лучше сделать попытку и в случае успеха остаться в живых?

— Ты имеешь в виду, — говорит он, — что лучше иметь шанс на испорченную жизнь, чем лишиться ее вовсе?

Она кивает.

— Не уверен, что согласен. Кэрис изумленно смотрит на него:

— Серьезно?

— Нет, если для тебя существует риск.

— Ну, — говорит она, — технически риск существует для тебя. Мы пробуем сделать это с твоим ранцем.

Он смеется, и его смех звучит как икота.

— Ох! Ну тогда ладно.

— Правда? Макс? Ты это серьезно? — Он отвлекается, читая переписку между Кэрис и Озриком. Она пробует снова. — Макс, скажи что-то. Ты действительно говорил всерьез?

Он не отвечает.

— Макс?

— Они не очень хороши в проявлении инициативы, не так ли?

— Кто?

— Озрик. ЕКАВ. Практически всё, что Озрик просчитал для тебя, было сделано только потому, что ты его попросила.

— По-моему, это ограничение системы, — говорит она, — которая настроена реагировать.

— Интересно, улучшат ли они ее в следующих версиях.

— Возможно. Проактивный интеллект должен появиться в ближайшем будущем.

Макс все еще читает их переписку на стекле своего шлема.

— Кэри, Озрик сказал, что системы навигации и управления «Лаерта» отключены. Спроси его, какие системы работают.

— *Озрик, перечисли действующие системы.*

Поток синего текста пробегает по стеклу их шлемов:

— Система жизнеобеспечения, рециркуляция воздуха; системы теплиц: фотосинтез, панели солнечных батарей, орошение; утилизация отходов, игры, симуляция гравитации; освещение, водоснабжение...

— Теплица! — восклицает Макс.

— А что с ней? — спрашивает Кэрис.

— Растениям необходим свет. Активация программы теплицы откроет дополнительные панели солнечных батарей. Посмотри на положение «Лаерта» — ему необходимо будет повернуть панели к солнцу. Активация программы теплицы *повернет корабль*.

— Ты прав, — соглашается с ним Кэрис, и Макс подпрыгивает. — Это не подвинет «Лаерт» к нам, — продолжает она, хотя находит его возбуждение заразительным, ее голос расцветает новой энергией. — Но это может закрыть нас от солнца и воспрепятствовать созданию озона в твоём ранце.

— И не помешало бы подвинуть корабль немного ближе.

— К тому же воздушный шлюз окажется перед нами, если мы сможем создать топливо. Но самое главное, что нас полностью закроет от солнца.

— Как по мне, звучит неплохо.

— Давай сделаем это. Мы должны это сделать. — Кэрис качается вверх-вниз. — Как думаешь?

— Да, черт возьми.

— *Озрик, запусти программу теплицы.*

— Последний запуск программы теплицы был двенадцать часов назад. Экосистеме не требуется больше фотосинтеза. Уровень потенциальной опасности для растений: высокий.

— Вот о чем я говорила! Я задую его.

— Это компьютер. Он не знает, что говорит. Прикажи ему сделать это, — объясняет Макс. — Двигай пальцами так сильно, чтобы Озрик почувствовал, как они сжимаются на его виртуальной шее.

— *Заблокировать. Инициировать программу теплицы.*

— Назовите пароль.

— *Пароль — ФОКС. Спасибо.*

— Подтверждаю. Инициирование программы теплицы.

Макс и Кэрис внимательно смотрят на корабль, наблюдая, как он покоится на месте. Ничего не происходит. Они глядят друг на друга, потом — снова на судно. Наконец «Лаерт» начинает движение: два шеста выдвигаются с двух сторон, разворачиваясь в своих отверстиях, как пушки на боевом корабле.

— Разве не жутко, — говорит Кэрис, — что когда мы были внутри, то могли слышать каждый скрип металла, но здесь это происходит абсолютно беззвучно?

Еще одна пауза, затем «Лаерт» очень медленно поворачивается на девяносто градусов. Его длинный кранбол^[9] теперь смотрит туда, куда падают Макс и Кэрис.

— Кошмар.

Тотчас шесты полностью высовываются, раздвигаясь в беззвучном замедленном движении, открывая панели солнечной батареи, как зонтики от ливня. Белое и серебряное, их расширяющееся полотно освещает темноту, растягиваясь в широкие квадраты, подстраивающиеся под Солнце. Макс и Кэри оказываются в тени и приветствуют это одобрительными возгласами.

— Удивительно!

— Я никогда в жизни не была так счастлива видеть солнечную батарею.

— Невероятно!

— Посмотри — теперь можно лицезреть воздушный шлюз.

Он трет ее руку, оторопев в этот момент.

— Что теперь?

Они смотрят друг на друга, и она прикусывает губу.

— Полагаю, нам нужно заняться той самой химической реакцией.

В очередной раз Кэрис пробирается по кругу к спине Макса и начинает возиться с его ранцем.

— Ты в этом уверен? Он кивает.

— Мы знаем, как нагреть кислород?

Она замирает и смотрит на него, а он поворачивается, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Я говорила тебе, Макс, это радиатор. Он фыркает:

— Будто я знаю, что это означает.

— Мы уберем охлаждающие камеры и с помощью вот этого очень удобного индикатора температуры изменим градусы криогенного кислорода.

— А он наверняка заблокирован.

— Да. Но здесь есть индикатор давления.

— Боже, они действительно подумали обо всем. — Макс делает паузу. — Кроме очевидных вещей.

— А также инструкций. — Она проводит руками по серебряным отсекам, нащупывая пальцами гибкие трубки, электронные индикаторы с множеством чисел и показателей, отображаемых ярким электрическим синим. — Мы нагреем его и увеличим давление.

— Я хотел бы, чтобы Озрик мог сказать, как нам действовать дальше.

— Это не в его компетенции, — говорит Кэрис, — что весьма паршиво.

— Он может по запросу запускать системы, автоматически уведомляет о любом сбое. И всё?

— Еще перечислять возможные результаты на основе ситуационного анализа.

— Да, как в случае с побочными эффектами озона, которые пугают меня до чертиков.

— Нам нужно решить, что мы будем делать, если это сработает, — говорит она. — Если у нас получится создать окислитель ракетного топлива, тебе лучше быть готовым приблизиться к «Лаерту». Думаешь, он все еще в пределах досягаемости?

Макс пожимает плечами:

— Из нас двоих тебе лучше знать.

— Давай сделаем такое предположение. Нам не повредит быть ближе, даже если мы на сей раз не доберемся до него. Думаю, лучше развернуть тебя в правильном направлении.

— Кэри...

— Окислитель продвинет тебя вперед...

— Что не так? — спрашивает он, прерывая ее бормотание.

— Я волнуюсь, а вдруг окислитель окажется нестабильным и вырвется из твоего ранца струей.

Макс поднимает брови: — И...

— И, если я буду за тобой, он оттолкнет меня назад и дернет фал, тогда нас будет швырять в разные стороны и мы не продвинемся. Поэтому нам лучше развязать веревку...

— Кэрис, можешь меня послушать? Если у тебя получится создать O_{16} — если, — то он будет настолько мощным, что наше дерганье во время обратного полета в космосе окажется меньшей из наших проблем. Она отвечает шепотом:

— Ты так думаешь?

— Да. Не смей себя отвязывать.

— Хорошо.

— Воспроизводи реакцию, затем перемещайся вперед и в сторону от тяги, хорошо?

— Хорошо.

— Надеюсь, мы не умрем, — говорит он, и, поддавшись импульсу, она обхватывает шею Макса руками, обнимая его.

— Мы не умрем. Мы уже использовали свою долю невезения.

Макс прижимает ее к себе, разочарованный из-за отсутствия подлинного физического контакта, ведь их тела заключены в скафандры. Они ненадолго замирают в таком положении.

— Сколько времени у нас осталось? — спрашивает она, и он бросает взгляд вниз, на индикатор.

— Шестьдесят пять минут.

Макс думает о том, что, бывало, он мог вздремнуть часок-другой, проводя в постели больше времени, чем у них осталось теперь, — какая неразумная трата!

— Отсюда можно только вверх, — говорит Кэрис. — Нам стоит поспешить, с тем чтобы вернуться обратно к этому дурацкому кораблю. — Она указывает на «Лаерт». Затем вдруг произносит: — Что за...

— Осторожно!

Огромные кубы спрессованных отходов летят в их направлении, врезаются в Макса, которого разворачивает от удара. Фал дергает, отчего Кэрис тоже отлетает в сторону.

Вдалеке виднеется «Лаерт», люки его правого борта открыты и смотрят на них.

— *Озрик*, — печатает Кэрис, но текст выходит искаженным из-за панической судороги в пальцах. — *Озрик...*

— Что за... — Макса поворачивает и крутит, его руки сжаты в кулаки на веревке.

— Осторожно, там еще один блок!

— Это что, прочистка? Какого черта там прочистка?

— *Озрик!*

Мимо них проплывает космический мусор, отталкивая их все дальше от «Лаерта» и ближе к опасным астероидам под ними.

— Я здесь, Кэрис. Вы в порядке?

— *Почему там происходит прочистка?* — пишет она Озрику, с трудом пытаюсь контролировать движения мышц, чтобы печатать, в то время как их относит назад, все дальше от корабля.

— Это запланированный сброс мусора. Из-за дополнительного запуска программы теплицы углекислый газ был вытеснен досрочно. Запланированный сброс мусора смещен вперед.

— Кэрис! — окликает ее Макс. — Нам нельзя сейчас разъединиться. Это веревка — сконцентрируйся...

— Заблокируй! — кричит она инстинктивно. — *Заблокируй запланированную продувку, Озрик! Останови ее!*

— Подтвердите пароль.

— *ФОКС. ОСТАНОВИ ЕЕ...*

— Держись за веревку! — кричит Макс, пока они, вращаясь, летят в разные стороны, а их тела дергаются и корчатся в отчаянной попытке остаться вместе.

Она хватается за кабель и немного приближается к Макс, вытягиваясь, чтобы схватиться за его руки. Вокруг них молекулы отскакивают друг от друга, как снежные шарики, вместе с огромными кубами уплотненных отходов, выброшенных в космос с тихим шипением.

— Останавливается...

— Люки закрываются.

— Нам нужно попробовать ударить блок. Это может помочь нам замедлиться.

— Мы падаем к...

— Я знаю. Там нас уничтожит. Вытяни ноги! *Нам нужно ударить этот блок!*

— Если мы погибнем там, внизу...

— Звездочка. Снежный ангел. *Сейчас.*

Их мышцы и сухожилия напряжены, они вытягиваются, изо всех сил пытаюсь занять как можно большую площадь, чтобы ухватиться за самый большой из выброшенных блоков. Качаются, подпрыгивая на нем, и начинают замедляться, когда блок несется в противоположном направлении от их удара. Они продолжают падать, медленнее и равномернее, но все еще падать.

— Мы дальше, чем когда-либо.

Панели солнечных батарей на «Лаерте» сейчас по размеру напоминают коктейльные зонтики. Идея создать достаточное количество черного кислорода, чтобы добраться до корабля, теперь кажется далекой фантазией.

— Я на какое-то время уеду, — неожиданно сказала Кэрис Максу через пару недель после их поездки в обсерваторию.

— Зачем?

— Проверь его. — Она указала на обруч у нее на голове.

— Ободок с антеннами?

— Проверь его. — И сразу две антенны, торчащие из ее головы, замигали и ожили, а над ее каштановыми волосами из красных светодиодов появилась надпись «ВПЕРЕД, КОМАНДА».

Макс удивился.

— Ты едешь на Игры?

— Да. — Кэрис согнула запястье, и ее корона из прописных букв, изменившись, растворилась.

— Это потрясающе. Моему младшему брату такое очень понравилось бы. Голограмма?

— Что-то в этом роде.

— Сделай, чтобы там было написано «ТЫ ОТСТОЙ». Она изменила надпись на «ПОШЕЛ ТЫ», и он легонько ударил ее по руке.

— Это не в твоем стиле прибегать к самоцензуре. Кэрис кинула в него обруч с антеннками, все еще поддерживая игривое настроение.

— Я так взволнована! Мне всегда хотелось туда попасть.

— Мне тоже, — задумчиво сказал он.

Игры Воевод проводились каждый год в знак приветствия новых территорий, присоединившихся к Воеводству. В этом году дополнительно прибавились еще одни: Игры должны были пройти в Австралии, стране, расположенной дальше всего от бывшего Европейского Союза и являвшейся самой последней из тех, кто примкнул к Европии. Россия уже сдалась десять лет назад, не желая оставаться в изоляции после войны, кроме того, были подписаны договоры с Африкой. Китай неохотно, однако стал союзником Европии, хотя это не помешало перебежчикам типа Лю пересечь границу, вызвав немалое замешательство в Народной Республике.

— Мне нужно кое-что тебе сказать, — вдруг совершенно серьезным тоном произнес Макс, и ее желудок сжался.

На протяжении прошедшего месяца у них уже было несколько подобных моментов, когда они поочередно легко ссылались на то, что «гулять вместе не нарушение правил», но она боялась, что Макс в любой момент может все оборвать.

— Да? — Кэрис пообещала себе, что ей будет все равно, когда он это сделает, однако...

— Я тоже поеду на Игры. С ЕКАВ.

— Ох! — Кэрис закрыла глаза руками, смеясь.

— Я выиграл билеты в лотерее для сотрудников.

— Так же, как и я.

Он присоединился к ее веселью.

— Мне следовало догадаться. Половина нашей компании едет.

— Ох, ну что — это нечто веселое, что мы сможем испытать вдвоем.

— Полагаю, да. Только...

— Будет круто? — закончила за него Кэрис.

— Именно. — Он взял ее за руку. — Мы друзья, вместе перенявшие дух Европии. Нет необходимости раскрывать нашу игру.

Кэрис кивнула:

— Поняла. Индивидуальности до последнего.

— Это идеальный вариант. Она вздохнула:

— Так ты все-таки пойдешь со мной посмотреть на коал? — Кэрис подошла к своему рюкзаку, стоящему у двери.

— От них можно заразиться хламидиями. — Чем?

— Люди могут подхватить хламидии от коал. Это факт.

— Отвратительно. — Изобразив рвотные позывы, она вновь стала серьезной. — Я думала, хламидиоз ликвидирован. Ведь принято считать, что мы живем в совершенную эпоху.

— Идеальный мир — современная утопия, конечно, — рассудительно сказал Макс, — но в нем ты все еще можешь подхватить венерическое заболевание от коал.

— Увидимся на аэровокзале? — спросила Кэрис, направляясь к двери.

— Уже уходишь? Она склонила голову:

— Мне нравится приходить рано.

— Ты же не будешь *управлять* шаттлом, — поддразнил он Кэрис, подходя к ней, — но если это последний раз, когда я увижусь с тобой наедине...

Он потянул девушку к себе, наклонившись, чтобы встретиться с ней губами, его волосы спадали на лоб. Она нежно убрала их на левую сторону.

— Я проведу тебя до перекрестка, — сказал Макс после того, как они оторвались друг от друга.

Она открыла дверь, ведущую на улицу, и он оттащил ее с пути трамвая, пролетевшего в паре дюймов перед ними.

— Черт, — выдохнула Кэрис, — да тут опасно жить. Напомни мне еще раз, почему ты здесь?

Они стояли, прижавшись к дверному косяку, пока вагоны грохотали мимо с характерным свистящим звуком.

— Отличная транспортная развязка.

— А с другой стороны, — сказала Кэрис, когда Макс шагнул через пути, — существует опасность проститься с жизнью каждый раз при выходе из дома.

— Мы все рано или поздно умрем, — промолвил он. — Жизнь — ничто без угрозы смерти.

— Ужасно, — сказала она. — Правда.

— Ужасная правда.

На лице Макса появилось воинственное выражение, пока они стояли друг напротив друга на разных рельсах возле его дома.

— Если бы мне суждено было угодить под этот трамвай, нашла ли бы ты в себе сверхчеловеческую силу для того, чтобы спасти меня?

— А что, если нет?

— Видя конец, мы по-настоящему проявляем себя, — сказал Макс. — Женщина, у которой откуда-то появляется сверхчеловеческая сила, чтобы поднять машину и вызволить кого-то из-под нее, мужчина, который рискует собственной жизнью, отталкивая с дороги чужого ребенка. Героические поступки перед лицом смерти. Или иногда не самые героические — трусость. Ты не сможешь спрятать в таких случаях свою истинную суть. Но удивительно то, Кэри, что истории о героизме становятся все более распространенными, в

отличие от историй о прохожих, ничего не предпринимающих.

— Мне кажется, будто это не ты говоришь, — сказала она. — Ты никогда раньше не заводил разговор о столь... эпичных вещах.

— Это из-за Европии, — просто ответил он. — Мы делаем то, что хотим делать, а не то, что должны. Мы становимся более хорошими людьми.

— Лучшими людьми. — Что?

— Лучшими людьми. А не *более хорошими*.

— Ой, да помолчи, — отмахивается от нее Макс. — Так и есть.

— Ты действительно веришь во все это? — тихо спрашивает она.

— Да. — Макс показывает Кэрис, чтобы она переходила через пути и шла с ним к остановке трамвая, но девушка хранит молчание. — Ты расстроена, потому что я упомянул Воеводство.

— Нет. — Она поправляет лямки рюкзака и пробегает мимо него. — Ты упомянул идеал.

* * *

Макс приехал на аэровокзал позже Кэрис и присоединился к группе, не взглянув на нее, улыбнувшись, когда заметил, как она многозначительно смотрит на часы. Он появился всего за пару минут до того, как их коммерческий реактивный самолет должен был взлететь. Пока члены группы ЕКАВ защелкивали ремни на своих сиденьях, Макс в последний момент скользнул в кресло рядом с Кэрис. Девушка закатила глаза.

— Снова? — прошептала она.

— Я подумал, было бы хорошей идеей сесть возле человека, который может управлять самолетом в случае аварийной ситуации. Так что, когда они спросят: «Есть ли пилоты на борту?», — я смогу вытолкнуть тебя вперед. И сам буду хорошо выглядеть на твоем фоне.

— Ты просто образцовый гражданин. Он сказал едва слышно:

— В самом деле важно то, что во всех отношениях... — он осмотрелся с намерением убедиться, что все, кто сидел в пределах слышимости, поглощены прослушиванием предполетного инструктажа, — я действительно образцовый гражданин.

Она захохотала.

— Нет, в самом деле. — Он продолжал глядеть прямо перед собой. — Я должен быть таким. Я из семьи основателей, Кэри.

Девушка опешила:

— Правда?

— Точно. Мои бабушка и дедушка работали над созданием Европии после войны. Мои ныне живущие родственники очень-очень интересуются этим.

Думая о своих собственных близких людях и воспитании, Кэрис ничего не ответила, а, стоило самолету начать свой вертикальный взлет, принялась грызть ногти. Когда он поднялся в стратосферу, ожидая, пока мир под ним повернется, перед тем как произойдет посадка, Кэрис прошептала:

— Во имя кого ты действуешь?

— Во имя себя, Кэри. Я должен. Она кивнула и отвернулась к окну.

— Мы пролетаем над Ближним Востоком? — спросил Макс, вытягиваясь над ней,

чтобы посмотреть.

— Над тем, что от него осталось, — ответила Кэрис. — Там нигде нет воды. Это пустыня.

— Сколько людей здесь погибло? Кэрис продолжает смотреть в окно.

— Большинство из тех, кто там жил.

— Господи. Интересно, какой регион пострадал больше: США или Ближний Восток? А ты говоришь, Европа не идеальна...

— Он будет баранину, — сказала она стюарду, пробурчав это себе под нос.

— Ты назвала меня бараном? Кэрис подвинула Максу поднос:

— Кушай.

— Знаешь, — откусив кусок баранины, произнес он тихо на фоне шума двигателей, — это все на самом деле не о том, чтобы быть одним из стада.

Когда они резко начали опускаться от линии Кармана^[10], свет снаружи сменился с ночного на дневной, и Кэрис рассмеялась.

— Я знаю, Макс. Индивидуализм. — Она невозмутимо наблюдала, в то время как он сжал подлокотники, когда они планировали в воздушном кармане, наткнувшись на зону турбулентности. — Это то, отчего я чувствую себя такой одинокой.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Примечания

Пуантилист — художник, создающий свои полотна в манере пуантилизма — течения в живописи конца XIX — начала XX в., характеризующегося манерой наложения чистых красок отдельными мазками в виде точек. *(Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)*

Фал — страховочный трос для крепления космонавта к кораблю при выходе в открытый космос.

Флекс — устройство, состоящее из сетчатых элементов, одевающееся на руку, чтобы печатать на виртуальной клавиатуре за счет измерения движения мышц руки.

Майндшер — социальная сеть.

Стенные реки — экраны, встроенные в стены, выполняющие функцию монитора компьютера.

Итальянское белое вино из одноименного сорта винограда.

Фут — единица измерения длины в английской системе мер, около 30-ти см.

Фунт — английская мера веса, равная 409,5 г.

Крамбол — небольшой кран для подъема якорей вручную.

Линия Кармана — высота над уровнем моря, которая условно принимается в качестве границы между атмосферой Земли и космосом; равна 100 км.